

Юрий Каминский

На склоне дня

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

Юрий Каминский

СТИХИ,
написанные в стол

В ТРЁХ ТОМАХ

Редакторы *д-р М. Райк, В. Цорн*
Компьютерная вёрстка *Т. Крук*

Каминский Ю.

Стихи, написанные в стол (в трёх томах) / Том II /
На склоне дня. — К.: Свет на Востоке, 2018. — 192 с.
Издание первое.

Отпечатано в типографии CPI, Ulm

Изд. № 01.374

ISBN 978-3-944772-25-7

© «Свет на Востоке», 2018.

Юрий Каминский

НА СКЛОНЕ ДНЯ

Том II

И лишь теперь, на склоне дня,
Согретый вечным светом Слова,
Я понял: ждёт Господь меня,
Как я – Пришествия второго.

Стихи за 2003–2004 гг.

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

Скрипичный мастер

Был мастер груб и тёмен ликом,
В общении – предельно сух,
Но тоньше трепетного блика
Имел он музыкальный слух.

Чтоб к нам пришли Шопен, Пуччини,
Вивальди, Мусоргский, Сен-Санс,
Годичным кольцам в древесине
Запеть волшебно дал он шанс.

И слышал он под сенью крова,
Весь белый от трудов и дум,
То шелест дождика слепого,
То рощи вырубленной шум.

Я знаю, в нём жила надежда:
Скрипач неведомый придёт
И эту скрипку в руки нежно,
Как сердце мастера, возьмёт.

И будут слушать жадно, немо
И Григ, и Верди, не дыша,
Как разговаривает с небом
Его бессмертная душа.

13 января 2003 г.

За хатой

За хатой, у старой криницы,
Под клёном, чей шелест мне люб,
В душистой лежу медунице,
Падучие звёзды ловлю.

Скрипит покосившийся ставень,
Окно в синий вечер воздев:
Успел ли ты сердце подставить
Сорвавшейся с неба звезде?

И шёпот с реки чернотала,
Растущего здесь искони:
«Не ты, а звезда загадала
Желание. Не обмани

Ты, жизнью помятый поспешной,
Желанье её побывать
На этой земле не безгрешной,
Но доброй, как мудрая мать».

И я напрягаюсь до пота,
С младых ещё чувствуя лет:
Нет в мире важнее работы,
Чем звёзды встречать на земле.

8 февраля 2003 г.

Стихи на рассвете

За рекою, над холмом,
Вынырнув из хмари,
Звонко лопнул майский гром,
Как воздушный шарик.

И жар-птицею в руке,
Сердцу потакая,
Бьётся жилка на виске,
Нежная такая.

Льётся в сердце благодать
Щедрым светом вешним,
Будто снова смотрит мать
Вслед мне взглядом вещим.

Я пойду в простор полей,
Где в плечах косую
Сажень неба кровью всей
С радостью почую.

Сколько зла ещё вокруг...
Сталью мир бряцает,
Но спасительный свой круг
Солнце мне бросает.

И, годов отбросив кладь,
С молоком и хлебом
Вновь меня встречает мать
На пороге неба.

10 февраля 2003 г.

Красная книга

Снова в сердце вызвав колотьё,
На виски тупую боль обрушив,
Раскалённые листы её
Обжигают мне не пальцы – душу.

Серый волк сегодня лёг костями,
Камнем в камыши жар-птица пала,
И в реке, отравленной людьми,
Рыбка золотой и вправду стала.

Змей Горыныч сгинул навсегда,
И всю ночь лягушки за деревней
Стонут на болоте – никогда
Никому из них не стать царевной.

Коль душа в тебе не умерла,
Ты услышишь и в лесу, и в поле
В рёве зверя, в клёкоте орла
Крик почти что человеческой боли.

Красной книги шелестят листы,
И я слышу, иль мне только мнится:
Милосердным будь, а вдруг и ты
На последней значишься странице.

12 февраля 2003 г.

Вспыхнул я, как порох

(Валентине)

Помню, вспыхнул я, как порох,
Жар в крови не превозмочь...
У тебя глаза, в которых
Затеряться может ночь.

Знать, отмечена ты Богом,
Хоть тебя и били влёт,
Если в хижине убогой
Небо майское живёт,

Если, мчась к тебе с морошкой,
Слышал в те ещё года,
Как скреблась в твоё окошко,
Встав на цыпочки, звезда,

Как петух соседский сыпал
Зорькой в тающую синь,
Как над клинописью цыпок
Твоих мучилась полынь.

Время нас не пощадило,
Время – только не Господь...
Убывают наши силы –
Прирастает небом плоть.

12 февраля 2003 г.

Лунный свет

(О маме)

Сквозь листву осин и толщу лет
Льющийся в квадрат оконной рамы
Не даёт уснуть мне лунный свет,
Мягкий, как седины моей мамы.

Вот она выходит за плетень,
Чтоб росой прохладной освежиться,
Но прошедший длинный трудный день
Всё болит в усталой пояснице.

И вождам кремлёвским дела нет
До вдовы с тяжёлыми руками,
Только лунный золотистый свет
Омывает тени под глазами.

Только лунный свет, прогнав мой сон,
Снова встретив маму у колодца,
На виске, запавшем в унисон
С жилкой, в безголосом вопле бьётся.

Сколько лет промчалось! Я уж сед,
Жар былой стреножили морщины,
Но ласкает щёку лунный свет,
Кроткий, словно мамины седины.

14 февраля 2003 г.

Я Бога боюсь

Лежу я в траве, к горизонту текущей
С горячего гребня июльского дня,
И белого облака райские кущи,
Как в детстве, зовут неустанно меня.

Я чувствую, как наполняется светом
Душа, прирастающая к небесам,
И рядом кузнечик трещит, словно это
Трещат мои страхи мирские по швам.

Не часто я праздновал в жизни победы,
Но, больно лицом ударяясь о прах,
Узнал я: ведомому Богом неведом
Людьми на людей же натасканный страх.

Теперь надо мною лукавый не властен,
И рыбой об лёд я, прозревший, не бьюсь
С того, что узнал я великое счастье –
Сказать во весь голос: я Бога боюсь!

От счастья мне хочется всем улыбаться,
Поскольку, испив свою чашу до дна,
Я понял однажды: чтоб Бога бояться,
Немалая храбрость, поверьте, нужна.

15 февраля 2003 г.

За поворотом души

Вьюга утихла под утро,
Осень в фату нарядив...
Там, за калиткою утлой,
Что меня ждёт впереди?

За переулком, за речкой,
За косогором и за
Кротко мерцающей свечкой,
Помнящей вдовьи глаза?

Я обращаюсь к берёзам,
К птахе, взлетевшей с плетня,
С сакраментальным вопросом:
Что ожидает меня?

Спрашиваю у плакучей
Ивы у мёрзлой воды,
Спрашиваю у падучей
И у взошедшей звезды.

Жизнь моя, слышишь? Без фальши
Дать мне ответ поспеши:
Что там, за смертью и дальше –
За поворотом души?

16 февраля 2003 г.

Мороз и ворон

Расходился мороз, до костей пробирая,
Своенравную речку к рукам прибирая.
Схоронилась лисица на дне буерака,
И хозяин впустил в дом цепную собаку.

От мороза трещат осокори и клёны,
И земля может треснуть орехом калёным.
Только ворону это совсем не в новинку:
Видеть небо от стужи январской с овчинку.

Он летает над полем, не зная покоя,
В своей жизни он видывал и не такое.
Что высматривает, лютый холод поправший,
Он, как будто из чёрного пепла восставший?

Что он видит оттуда, с высот поднебесных?
Может, утро, в окошках застрявшее тесных?
Не чета он каким-то орлам и жар-птице,
Он один на один с белой смертью сразится.

И ударил он грудью, ничуть не робея,
И мороз на глазах отступает, слабеет,
И ликует мальчишка, от радости розов,
Только чёрные перья летят от мороза.

17 февраля 2003 г.

Малая родина

Из трав поднявшись тонкорунных,
Застыла майская луна,
И на галёрке цирков лунных
Сию, как в детстве, допоздна,

Глазея умиротворённо
На речку, сонную весьма,
Где, видно, царская корона
Лягушек всех свела с ума.

Здесь хорошо мне и вольготно,
Здесь, где, храня меня от зла,
Со всей моею подноготной
Меня приемлет каждый знак.

И серой скуке в назиданье
Готова с радостью всегда
Загаданное мной желанье
Исполнить каждая звезда.

Пусть малой родиной мы числим
Речушку эту, ширь полей,
Но нет величия отчизны
Без малой родины моей.

18 февраля 2003 г.

По звёздам иглокожим

(Воспоминание)

Сказав себе: ты сможешь...

И в ночь луной влеком,

По звёздам иглокожим

Я бегал босиком.

И добрый, и счастливый,

Я в лунные моря

Печальный шелест ивы

Бросал, как якоря.

И под сосной заветной

Пил в молодом лесу

С лица зари рассветной

Студёную росу.

И наливалось тело

Живительным огнём,

И вдруг душа задела

Нездешний окоём.

Как будто, весь в заботах,

Господь в начале дня

Окликнул не кого-то,

А именно меня.

19 февраля 2003 г.

Язык

Смерть и жизнь – во власти языка.

Царь Соломон

Всю жизнь мне жизни постигать азы
И повторять себе одно и то же:
Серьёзное оружие – язык,
Будь с языком предельно осторожен.

Не должен сердцем он твоим владеть,
Сомненья разрушительные сея,
Как тридцать сребреников, может он звенеть
И райским змеем ворковать умеет.

Ему, увы, не стоит ничего
О наши рты баклуши бить часами,
В ежовых рукавицах ты его
Держи, а лучше – просто за зубами.

И говорить от имени страстей
Не позволяй ему в фальшивом раже,
А если он и вправду без костей,
Язык твой, что ж, костями пусть, глупый, ляжет.

Но коль душа созрела для молитв
И в кротости подобна стала иве,
Пускай язык твой, как душа, болит –
Чем боль сильнее, тем он красноречивей.

21 февраля 2003 г.

На закате

Угасает трудами испытанный день,
И горячую бронзу заката
Усмиряет уже загустевшая тень
Между речкой и маминой хатой.

Долгожданной прохладой дохнула вода
И кругами раздвинулась немо,
Когда яркая в речку упала звезда,
Может быть, с вифлеемского неба,

Чтоб душа моя очи воздела горе
И узрела, встав на ноги прочно,
Как Младенец грядущую зорьку согрел
Лишь дыханьем Своим непорочным.

Время больше не властно над сердцем моим,
Что мне наших годов быстротечность?
Если был я ещё до рожденья храним
Богом, давшим в служанки мне вечность.

И срываются в ночь на ракитовый куст,
На церквушку, на дом, на дорогу,
Может, звёзды, а может, стихи с моих уст –
Я не знаю – и слава Богу!

23 февраля 2003 г.

Кукушка за рекой

Промчалась летняя гроза,
И, к обновлённой жизни чуток,
Я слушаю, закрыв глаза,
Как лихо (не судьбу ли чью-то?)

Куёт кукушка за рекой,
Где хата мамина белеет,
В чьих окнах голубой покой
Небес без нежных рук болеет.

И, чуть кривя усмешкой рот,
Шепчу кукушке я устало:
«Как мало от твоих щедрот
Вдове солдатской перепало.

А ей бы жить и жить, молясь
За тех, кто здесь, кто за три моря
Уплыл...» И, вечностью давясь,
Заплакала кукушка с горя,

Что отковала – будь здоров, –
Птиц остальных сминая крики,
Кому – златую цепь годов,
А матери моей – вериги.

24 февраля 2003 г.

Вечер

Птиц последних с неба выжив,
Рожью отшлифованный,
Поднимается всё выше
Месяц меднокованный.

И ударили лягушки
В звонкий бубен свадебный, –
Никакие в мире пушки
С буйством их не сладили б.

Я иду вдоль осокорей,
Небо подпирающих
И на ветер мои хвори
Весело пускающих,

Чтобы били в кровь рассветы
Медными литаврами,
Чтоб не вымерли поэты
Завтра динозаврами.

И, упав в густые травы,
Понял вдруг всей кожей:
Жить хочу под сенью славы
Не своей, а Божией.

25 февраля 2003 г.

В летний полдень

Брошу, вспомнив вкус росы,
Душную квартиру я,
И – к реке, где караси
Щуку игнорируют,

Где, не топтанная мной,
Зной смиря пламенный,
Поднялась трава стеной,
Понадёжней каменной,

Где волнующе звенит
Мир, что с детства помнится, –
То полуденный зенит
В птичью глотку ломится.

И, дыша с грядущим в лад,
Буду пить я с радостью
Воздух, слаще во сто крат
Всех восточных сладостей.

И услышу с гребня дня
Бога возлюбившего,
Не забывшего меня,
Про Него забывшего.

25 февраля 2003 г.

Снег

Медленно падает снег за окном,
Тих, незапятнан и ласков,
И погружается старый мой дом
В белую добрую сказку.

В ступе не стану я воду толочь,
В ступе я в детство слетаю...
И распахнулась январская ночь,
Звёздами щедро блистая,

Где, от работ отдышавшись едва,
Чайник поставив на плитку,
Пушкина сказки читает вдова,
Как очищенья молитву.

Что мне грядущая песнь соловья,
Если сегодня при свете
Скорбных седин своих мама моя
Лучшие книги на свете

Будет читать мне, пока, горизонт
Преодолев за речушкой,
То ли звезда, то ли в руку сон
Не упадёт на подушку.

Годы промчались, рассыпались в прах
Здесь у родимого тына...
Снег за окошком и снег на висках –
Как мне не дать им остынуть?

27 февраля 2003 г.

Средь дымящихся горьких руин...

(Другу)

Средь дымящихся горьких руин
Лет хмельных, чуть не ставших судьбою,
Ты остался один на один
Со своей возопившей душою.

И не скрыться тебе от неё,
Многошумных кумиров презревшей.
Знаю я, всё на свете – враньё,
Кроме вопля души, вдруг прозревшей.

Только время не тронется вспять,
Слишком долго душа твоя слеpla,
Но не стоит весь мир посыпать,
Словно голову, собственным пеплом.

Лучше свечку затепли. Пора
Жить, Всевышнего славу лелея,
И прибавится в мире добра,
От которого солнце светлеет.

И, заслуженным счастьем дыша,
Ты узришь, как сомненьями маясь,
Прозревает чужая душа,
Из потёмков своих выбираясь.

28 февраля 2003 г.

Обращение к себе

На жизнь неуютную нашу не сетуй,
Всё, брат, образуется. Лучше смотри,
Как в травах роса наливается светом
Встающей в полнеба седьмого зари.

Что мелкие дразги, обиды, уколы,
Порою до слёз донимающий быт,
Когда, оглашая и горы, и доли,
Судьба в петушиную глотку трубит,

Когда из приземистой мазанки утлой,
Забывшей про ширь горизонта, меня
Господь призывает в пречистое утро,
Не пряником сдобным, а Словом маня?!

Ну что мне недобрые взгляды, наветы,
Улыбки фальшивые, злая молва,
Когда я могу из рассветного света
Отлить благодарной молитвы слова?!

И притчей не станут они во языцех,
Они не споткнутся о трубную медь –
Ведь будут они шелестеть не в страницах,
А в сердце прозревшем призывно звенеть.

17 марта 2003 г.

От избытка сердца

Скрипнув половицей, на крыльцо я вышел,
И мне в ноги пала первая звезда...
Это правда, Боже, нету правды выше:
От избытка сердца говорят уста.

От избытка сердца запахом сирени,
Мнится, затопило мир до грани дней,
И как не бывало у меня мигрени
От избытка сердца утренних кровей.

Боже Всемогущий, ласковый и строгий,
Разве Ты не слышишь песню с моих уст?
Это благодарно о Твои пороги
Бьётся моё сердце от избытка чувств.

Потому что в мире, полном лжи кровавой,
Как ни трудно было, понял я давно:
Только Божьей волей, только Божьей славой
И избытком сердца выжить нам дано.

18 марта 2003 г.

Возлюби врага своего

Я метался, не зная покоя...
Что мне делать, Господь? Как мне быть?
Неужели возможно такое,
Чтоб врага своего полюбить?

Он же враг мой, и нет ему веры.
Нет! Хоть волком от ярости вой!
Он меня отправлял на галеры,
И весло становилось судьбой.

Он ломал мне и жизнь, и суставы,
Он меня посылал на костёр,
То свирепее пса-волкодава,
То, как змей, умилённо-хитёр.

Он лишал меня отчего крова,
Загонял под статью и снега.
Как же, Господи, после такого,
Как себя, возлюбить мне врага?

Но однажды, уже и не чая
Мир в душе обрести, понял вдруг:
Если жить, злом на зло отвечая,
Значит, ненависть множить вокруг.

И лукавый, в злорадстве шалея,
Не оставит от нас ничего.
Но любого врага одолеет
Возлюбивший врага своего.

20 марта 2003 г.

Молитва

Господи, в мире, оглохшем от пушек,
Полном, увы, неизбывного горя,
Кротко прошу: укрепи мою душу
Верой, которая двигает горы.

Чуткости дай мне, чтоб я над поспешным
Словом холодным не сетовал горько,
Мудрости дай мне, чтоб адом крошечным
Не обернулась рассветная зорька.

Дай мне прожить под немеркнувшей славой
Неба, распаханного надо мною,
Божьего страха мне дай, чтоб лукавый
В страхе меня обходил стороною.

Дай мне услышать звезду и былинку
И петушиную звонкую третью
Песню. И в мире, где смерть не в новинку,
Раньше надежды не дай умереть мне,

Чтобы кому-нибудь стали опорой
Эти, из сердца отлитые, строфы!
Господи, дай мне любви – той, с которой
Было б не страшно взойти на Голгофу.

22 марта 2003 г.

Я Бога не знал

Я долго в сплетении ложных дорог
Не мог свою душу призреть.
Я Бога не знал, но хранил меня Бог,
Чтоб всё же успел я прозреть.

Наверно, полжизни, до белых висков,
Я, сердце пуская в галоп,
У самого края кромешных кругов
Пел песни чужие взхлёб.

Недолго пришлось бы мне в пропасть лететь:
Готов я был дьяволу внять,
Дабы на пьянящую трубную медь
Звон райских ключей поменять.

Но в милости неизреченной Своей
Хранил меня Бог от сумы,
Сомнительной славой наполненных дней
И от стадиона-тюрьмы,

Где модный поэт в раж от собственных строк
Входил и хмелел всё сильнеей...
Я Бога не знал, но хранил меня Бог
Для славы вселенской Своей.

23 марта 2003 г.

Под сенью дня

Я пришёл не нарушить, но исполнить закон.

Иисус Христос

Под сенью дня, невзрачно-блёклого,
Я вдруг услышал кровью всей:
Закон нарушить – легче лёгкого,
Исполнить – во сто крат трудней.

Стоит над миром лязг оружия,
И злаки корчатся в огне.
О, сколько раз закон нарушивший
На белом гарцевал коне?!

И над ещё горячей грудой
Развалин, пленником скрутив
Закон, он им, смеясь, орудовал,
Как дышлом: куда хош – верти.

Но сколько силы кроткой надобно,
Чтоб не пред ликами икон –
Пред Богом, зло срубив, как надолбы,
Исполнить, хоть умри, закон.

Но разве Он напрасно мучился,
Свой путь земной прервав, как нить?
Мы всё же худо-бедно учимся
По Божьему закону жить.

24 марта 2003 г.

Осеннее настроение

Стою под замшелюю ивою кроткою,
Гляжу на закат величавый,
А в речке, из света багрового сотканной,
Плотва, чую, ходит, как пава.

Горячее долгое лето истаяло,
Конец птичьим звонким потехам...
И ветер взлетел за пернатыми стаями
Лесным окольцованный эхом.

Я вслушиваюсь в настроенье осеннее
И слышу, как в сердце стучится
Сентябрь, золотистой листвою усеянный,
Как будто оплакан жар-птицей.

Плывут облака небесами былинными...
И вновь я от счастья краснею,
Что ветер дымитесь моими сединами
И песней вздыхает моею,

Что понял, не вняв обещаньям заманчивым,
Не сгинув в юдоли суровой:
На этой планете нет счастья обманчивей,
Чем счастье вне отчего крова.

25 марта 2003 г.

Стена покаяния

Рассветная зорька из меди калёной
Навстречу залётным вошла облакам,
И травы густые качнулись, студёной
Росой, как косой, полоснув по ногам.

От утренней свежести, тело бодрящей,
Готовой смахнуть горький иней с висков,
Я чувствую вдруг, как красавицей спящей
Во мне просыпается память веков.

И вот уже вижу: вдали, на исходе
Дня, вечность венчающего, словно нимб,
Печальный Господь на Голгофу восходит,
Не узнанный племенем, избранным Им.

И кто-то вздохнул облегчённо, калифом
На час становясь, но коль кровь на руках...
Прощённые Им и Пилат, и Каиафа
Не смогут отмыться в грядущих веках.

Но мудрый народ мой однажды за вехой
Урочной (я верю, час этот придёт)
Ту Стену, что плачем зовётся от века,
Стеной покаяния назовёт.

26 марта 2003 г.

С именем Твоим

Вновь Твоей десницею храним,
Слыша, как по крыше ходит аист,
Просыпаюсь с именем Твоим,
Словно я на белый свет рождаюсь.

Твоё имя на моих устах,
И чтоб стал я слабому пригоден,
В первый раз приходит Божий страх,
Словно озарение приходит.

Это солнце вижу в первый раз,
Птиц Твоё поющих имя – тоже,
И круги времён у вдовьих глаз
Никогда не видел я, мой Боже.

В первый раз – в окне цветущий сад
И луга – в плечах сажень косая,
От которых, видят небеса,
Сталь косы в холодный пот бросает.

В первый раз – души моей экстаз,
В первый раз – огонь, в крови бегущий,
Всё – впервые!.. И в который раз
Ты меня спасаешь, Всемогущий!

20 мая 2003 г.

Сосед

Ночь осени поздней – крошечное ада,
И мрак её, кажется, не побороть,
Но, в сердце затеплив надежду, лампаду
В соседнем окне зажигает Господь.

Трепещет её огонёк золотистый,
Не дав затеряться кому-то в ночи.
И пусть в своей злобе лукавый неистов –
Высокий порог этой кроткой свечи

Ему не осилить вовек, хоть разбейся
Он в блин, потому что старик за окном,
В веках закаливший и душу, и пейсы,
Прозревший, покорно стоит пред Христом.

Он долго плутал по бескрайней пустыне
Сомнений, едва бездыханным не пал,
На собственную, как ни грустно, гордыню
Сосед, как на грабли, не раз наступал.

И, с сердца смывая холодную смуту,
С краями весеннего света полны,
Текут покаянные слёзы, как будто
Оплавились камни той вечной Стены.

25 мая 2003 г.

Навстречу той осени давней

Поднимается солнце над старою рощей,
Заглядевшейся смолоду в зеркало вод,
А над ней – самолётिका тающий росчерк
Через весь, аж до края земли, небосвод.

Поднимается солнце всё выше и выше,
Вот коснулось уже оно вдовьих седин...
И навстречу рассвету и маме я вышел
В шелестящее пламя сентябрьских осин.

Годы канули в Лету. И лоб мой морщины
Исекли глубоко так, что только держись!
Но стоит до сих пор предо мною картина:
Слева – солнце и матушка – справа. И – высь

Голубая до вздоха последнего. Верю,
Что её облакам не закрыть никаким,
Если собственным сердцем ты небо измерил,
Чтобы стало оно продолженьем Твоим.

И навстречу той осени давней я вышел –
Листья жёлтые падают, сбитые влёт...
И слабеющей мамы вновь голос я слышу:
«Жизнь – к закату, но солнце всё выше встаёт».

27 мая 2003 г.

Сын Человеческий распят

Сын Человеческий распят,
Железом плоть Его разъята,
И страхом с головы до пят
Ученики Его объаты.

И, как змея, в сердца людей
Скользнуло подлое сомненье:
А царь ли Он, сей иудей?
И где они, Его владенья?

Да вот они, куда ни глянь,
От утлой хижины до бездны
Времён, где нежно брезжит рань
Рассветной зорьки над железной

Неумолимостью судьбы...
И брызнул свет с высокой плахи,
И Божий страх пришёл, дабы
Исчезли все другие страхи.

И не согнуть уже меня,
Поскольку – в этом нет сомненья –
Храм, что воздвиг Господь в три дня,
Не поддаётся разрушенью.

28 мая 2003 г.

На рассвете

Утренней свежестью тянет с реки,
В росах, как в масле, катаются травы,
И небеса надо мной высоки,
Словно чужая пьянящая слава.

А за рекою поют петухи –
Детства далёкого райские птицы...
Там, вдалеке, не мои ли стихи
Вмиг расклевали они на зарницы?

Там, вдалеке, не моя ли звезда
В глотке у жаворонка зазвенела,
И, чтоб я выжил, живая вода
Словно омыла мне душу и тело?

Чувствую, жизнь под уклон понеслась,
Но, как бывало, не жалуя скуку,
В зорьке рассветной играет карась,
Не обращая вниманья на щуку.

И, не остыв от обид и утрат,
К вечному небу дорогу разведав,
Мой полыхающий жарко закат
В чьём-то окне отразится рассветом.

29 мая 2003 г.

Он пришёл не судить...

В мир, где часто главенствует тать,
Где добру нелегко и сегодня,
Он пришёл не судить, а спасать
Всею силою славы Господней.

Чьей-то жизни оборвана нить
Пулей, бритвой, удавкой – и всё же
Он пришёл в этот мир не судить,
Но спасать, кто спастись ещё может.

Где-то неба весеннего шёлк
Снова тает в пожаре кремешном...
Он не к праведникам пришёл –
К нам пришёл Он, несчастным и грешным.

И, даря нам Свою благодать,
Крепкий волей Отца Саваофа,
Он пришёл не судить, а спасать
Нас, ведущих Его на Голгофу.

2 июня 2003 г.

Таёт свеча

Медленно движется мрак за окном
Над переулками спящими,
Словно он с ходиками заодно,
В утро, увы, не спешащими.

Свет что-то медлящей зорьки далёк,
Как далека Патагония,
Но негасимой свечи огонёк
Теплится на подоконнике.

Время, тяжёлые стрелки влача,
С места не сдвинулось, кажется,
Но оплывающая свеча
Крепче дубового саженца.

И ничего, что вот-вот догорит
Плоть её белая, тонкая –
Скоро в слезах её пламя зари
Вспыхнет смущённой девчонкою.

Таёт свеча, золотисто-светла,
Таёт, награды не требуя...
Господи, дай догореть ей дотла,
Чтоб дотянуться до неба ей.

4 июня 2003 г.

На златом крыльце сидели

*На златом крыльце сидели царь,
царевич, король, королевич, сапожник,
портной... Кто ты такой?*
Детская считалка

Усеянные звёздными мирами,
За рощу отодвинув облака,
Ночь смотрит, как меж лунными морями
Из детства моего течёт река.

А я седой, в разохшейся качалке
Сижу, в воспоминаниях паря,
На золотом крыльце смешной считалки...
Нет больше ни портного, ни царя.

Сапожник тихо сгинул в этом мире.
А где царевич? Отвечать изволь.
И я боюсь раскрыть глаза пошире –
Не голым ли окажется король?

Жизнь – на излёте. Седина – всё гуще...
И вдруг, душевный потеряв покой,
Я слышу с неба Голос, задающий
Мне вечный тот вопрос: «Кто ты такой?»

5 июня 2003 г.

Поседевшие слёзы

Словно чарующий сон о весне,
Не за горами которая,
С неба седьмого спускается снег,
Став на всю ночь мне опорой.

Нет, он не белый костыль, не клюка, –
Мёрзлой землёю он признанный,
Прядь ослепительная у виска
Мамы моей, Богом призванной.

Вот он идёт не спеша вдоль моей
К памяти льнущей бессонницы:
Мама встаёт, всех рассветов светлей,
Солнце за ней не угонится.

Мама, продрогшая вся, до костей,
Смотрит, такая бессмертная!..
Спрятав надёжней, чем злато Кашей,
Вдовьи страдания несметные.

И улыбаются мне на всю жизнь
Губы её посиневшие...
Падает снег... Или это – взглядишь! –
Слёзы её поседевшие?

6 июня 2003 г.

Стихи на закате

(Жене)

Я жаловаться на судьбу не хочу –
Всё в жизни случилось со мною,
И ветер, ласкавший кудрявый мой чуб,
Стреножен, увы, сединою.

Но стала добрее душа во сто крат,
Хоть жизнь злей кайенского перца...
И в окна заглядывающий закат
Совсем не касается сердца.

И годы ничуть не разбавили кровь,
Но звонче червонного злата
Звенеть ей до гроба о нашу любовь,
И пусть наше время – к закату.

Пусть ноет в плечах дня прошедшего груз,
В глазах пусть усталость, как омут, –
Есть в солнце закатном высокая грусть,
С которой видней окоёмы.

8 июня 2003 г.

Новое утро

Под гомон птиц, под шелест ковылей
Коснулся неба нежный свет зари –
В неизреченной милости Своей
Мне новый день Всевышний подарил.

Он горизонты щедро распахнул,
Как кладовые солнца и души,
На острия моих умытых скул,
Как глаз, густой румянец положив.

И прошептал: «Названья дай цветам,
Зверям и рыбам – вот дела твои,
И не споткнись, как Ева и Адам,
О яблоко воркующей змеи.

Но кроток будь, как хлебное жнивье,
Как свечка перед пламенем костра,
И будут в небо вечное Моё
Срываться звёзды с твоего пера».

Лишь пенье птиц и шёпот ковылей,
И никаких крушащих мир проблем –
В неизреченной милости Своей
Господь на миг вернул меня в Эдем.

9 июня 2003 г.

Девочка в степи

(О сестре Люде)

Девчонка мчалась спозаранку
В степь, вся от радости светлея,
И, словно скатерть-самобранка,
Роса стелилась перед нею.

Девчонка мчалась без оглядки,
Косички растрепав льняные,
И в море трав сверкали пятки,
Как будто рыбки золотые.

Ночная тень лежала в прахе,
А там, вдали, где тучки рдели,
Со свистом крохотные птахи
Крутили солнцем как хотели.

И только старый ворон косо
Смотрел, отринув все заботы,
Как мужики точили косы
На оселке седьмого пота.

И, не сломав вокруг ни стебля,
Став в одночасье к Богу ближе,
Парила девочка над степью,
И птицы с ней, но только – ниже.

10 июня 2003 г.

Ты – Господний план

Здесь, у отчего порога,
Рядом с утренней зарёй,
Слышу я дыханье Бога
Над проснувшейся землёй.

Петухи кричат за хатой:
«Просыпайся, человек!
Хватит спать, хоть до заката –
Целый день, как целый век».

И в груди – горячим ритмом:
Не проспи своей души,
Звонкой песней иль молитвой
Славить Бога поспеши.

Поспеши на помощь сирым,
Сердцу чёрствому подай,
Чтоб продлить над этим миром
Божий день. Скорей вставай!

Поднимайся, брат, не мешкай!
Прочь сомнений всех туман!
В планах Бога ты не пешка –
Ты и есть Господний план.

13 июня 2003 г

Грядущее

Вышел я в росы, лежащие густо
На шелковистом приволье травы.
Свежесть такая в природе и в чувствах –
Жаворонки распевают в крови!

И над простором ковыльного края,
Тёплого синего моря милей,
Словно беззвучные громы, играют
Мышцы под бронзовой кожей моей.

Вот я шагаю, душевно раскован,
Радуюсь свету небес голубых,
И на губах, набухающих Словом,
Чувствую вкус горизонтов иных.

Братья, не это ли милость Господня,
Как на излом ни пытается нас зло:
Жить не в прекрасном грядущем – сегодня
Жить, чтоб грядущее всё же пришло?!

15 июня 2003 г.

Сладкая бессонница

Берегущее душу волнение
Мне бесценным подарком даря,
Как целительных рос отражение,
Звёзды в небе сентябрьском горят.

Я плечом прислоняюсь к осине,
Я смотрю на развилку дорог,
Где когда-то на зорьке косили
Заплутавший в траве ветерок.

Я касаюсь корявого клёна,
Чья судьба на излёте, увы,
И светлею от тихого звона
Истекающей медью листвы.

Жизнь порою выходит мне боком,
Но я только хорошего жду
От неё... И, услышанный Богом,
Вдоль бессонницы сладкой иду.

16 июня 2003 г.

Свеча в окошке

(О маме)

Надёжней крепкого плеча,
Несчётных звёзд затмив сиянье,
Как будто в центре мироздания,
В окошке теплится свеча.

Мрак первозданный сокрушив,
Мильоны солнц пылают где-то,
Но нет целительнее света
Для заблудившейся души,

Чем свет тонюсенькой свечи,
Оплывшей вдовьими слезами,
Чем свет, живущий в моей маме,
Чтоб я на лаврах не почил,

Чтоб я, кому так с детства мил
Стих звонкий, круглый, как колечко,
Нет, не перо, не штык, а свечку
Из сердца своего отлил.

16 июня 2003 г.

После ночного дождя

Прошелестел июльский дождь ночной,
Поникшим травам возвращая силы,
И ночь протёртой насухо луной
Квадратное окошко застеклила.

И небо, вмиг с моей подушки сон
Смахнув, вот-вот сверканьем звёзд затопит
Всю комнату. Не царь ли Соломон
Алмазные свои открыл мне копи?

Я выхожу на ветхое крыльцо
И знаю: завтра будет день погожий,
Коль тишина на кроткое лицо
Моей ушедшей матушки похожа.

Я знаю, канет в вечность ночи тень
Под звуки звонкой песни петушиной,
И что бы ни случилось, даст Бог день,
А главное – даст пищу для души Он.

17 июня 2003 г.

Моя земля обетованная

Не где-то (пусть желанная
Для многих – их не счесть) –
Моя обетованная
Земля не там, а здесь.

Вот здесь она, под клёнами,
Средь лиц родных и рук,
Под вдовьими калёными
Сединами старух,

У добрых, словно снадобье,
В ружьё встающих трав,
Над бездной Яра Бабьего,
У волжских переправ,

Вот здесь, где кущи райские
Фашист спалил дотла,
Но слава наша майская
Вброд вечность перешла.

Вот здесь она, мне данная
С рожденья, в час крутой,
Моя обетованная
Земля – и нет другой.

9 июля 2003 г.

У подножья высоких хлебов

(Воспоминание. О маме)

За речкой стучат неустанно колёса
Куда-то летящих всю ночь поездов;
И полные лунного света колосья
Железную песню больших городов

Задумчиво слушают, в утро склоняясь,
Умывшись живою водою росы;
И звёздочка, в тучные злаки срываясь,
Сверкает, как длинное жало косы.

Здесь так хорошо у подножья высоких
Хлебов, замирающих вслед поездам;
Здесь чувствуешь, как поднимаются соки
Земли каждым вздохом твоим к небесам.

Здесь так мне светло, на границе рассвета
И ночи, подсвеченной светом седин
Солдатской вдовы, мне шептавшей в то лето:
«Коль хочешь, сыночек, судить, так суди

Себя одного, не кого-то другого,
За всех, кто мешает нам в Господе жить,
За чьи-то фальшивые душу и слово,
За то, что хотел ты кого-то судить».

14 июля 2003 г.

Нет меня, Боже, счастливей...

Утром, когда от пернатого хора
Небо вот-вот разойдётся по швам,
К речке, срывающей ряску, как шоры,
Мчусь я, дав фору залётным ветрам.

Нет меня, Боже, счастливей в округе!
Это ль не счастье – вздохнуть его пью –
В кротости сердца и в мышцах упругих
Чуть железную волю Твою?!

Разве не счастье знать каждой кровинкой,
Счастье моё оплатившей сполна:
Небо – пускай оно будет с овчинку –
Мне золотого дороже руна;

Небо, подаренное мне Тобою
В мареве незабываемых дней;
Небо, которое стало судьбою,
Чтоб растворить мою волю в Твоей?

16 июля 2003 г.

Май, 1945 г.

(О маме)

Дождь прошёл, и снова
В майских небесах
Цвета голубого,
Как в родных глазах,

Дышит свет весенний,
Радует всех нас,
И бледнеют тени
У любимых глаз.

И на дне морщинки
Каждой, чтобы жить,
Каждая былинка
Может утолить

Жажду жить по Слову,
С верой, не во зле,
А иначе – снова
Ад по всей земле.

Только собирая
Камни, строят храм,
А иначе рая
Не увидеть нам.

18 июля 2003 г.

Вишни

В соседском саду, где луна молодая
На шее у вечера виснет,
Вся жаром прошедшего дня налитая,
Вот-вот брызнет соками вишня.

Я вишни чужие срываю, охочий
До ягод, суливших мне порку
В далёком таком уже детстве, чьи ночи
Всевышний скатал в чернокорку.

Не финики из деревень палестинских,
Но вишни средь стройки ударной,
Как плитки июльских ночей украинских,
Мне снились в ночи заполярной,

Но вишни литые – не сливы, не груши, –
Хоть вьюги, безумствуя, были,
Как звёзды летучие сладко мне душу
Простреливали навывлет.

Стояли морозы – свидетель Всевышний –
Свирепее львиного зева,
Но падали с неба не звёзды, а вишни,
Как яблоки с райского древа.

18 июля 2003 г.

Осенний мотив

(В. З.)

Мне б кленовую медь
В бронзу строк перелить,
Мне б хоть раз одолеть
Чьих-то душ паралич,

Чтобы бился мой ямб
В ритме сердца, взхлёб,
Чтоб не знал волчьих ям
Божий страх мой и чтоб,

Обжигая уста
Мои жаром кровей,
Чьих-то чувств немота
Зазвенела моей

Неподкупной строкой,
Той, с которой бы ты
Дотянулась рукой
До счастливой звезды,

Чтоб сквозь тысячи лет,
Твой храня окоём,
Согревал тебя свет
Вифлеемский её.

19 июля 2003 г.

На таёжной реке

Меж соснами могучими,
Спустившимися с гор,
Скрипит весло в уключине
Реке наперекор.

Молитвой нашей кроткою
И Божией рукой
Мы сдюжим, брат, и с лодкою,
И с бурною рекой.

Пусть юность в Лету канула,
Пусть (стоит ли жалеть?)
Ладонь в мозолях каменных –
Душе б не огрубеть,

Не стать бы девкой ветреной,
Но, вровень с небом встав,
Весь мир любовью жертвенной
Обнять бы, зло поправ.

Так бейся, ветер, вымпелом,
И, гром, сыграй нам туш!
Мы выгребем, мы выплывем
На стрежень наших душ.

20 июля 2003 г.

Святой Стефан

Любовью Божьей просветлённый,
Стоял он, кротко сжав уста,
Ревущей злобой окружённый,
Страдалец первый за Христа.

Но никогда уже прозренья
Свет не закроет смерти мгла,
Поскольку крепче тех камней
Любовь к Спасителю была.

И он толпой, как ложь, убогой,
Растерзанный и сбитый с ног,
Не просто лёг костями за Бога –
Краеугольным камнем лёг

В храм, ставший каждому опорой,
Сминающий ночную тень,
В нерукотворный храм, который
Мы строим каждый Божий день.

...Толпа беснуется, и нету
С ней сладу до скончанья дня...
И попадают рикошетом
Каменья острые в меня.

21 июля 2003

Утренняя молитва

О, мой Господь, в рассветную зарю
Шепчу я, распахнув по-детски вежды:
От всей души Тебя благодарю
За новый день, за новые надежды,

За горизонт у самого плетня,
За ломоть, пусть порой без масла, хлеба,
За песнь, что бьётся в горле у меня,
А может, в горле у седьмого неба,

За тысячи непройденных дорог,
За тысячи несбывшихся желаний,
Но более всего Тебя, мой Бог,
Благодарю за то, что в рог бараний

Лукавый мою душу не согнул,
Но – ощущение радостнее нету –
На остриях моих высоких скул
Играют блики утреннего света.

И как бы жизнь меня ни била влёт,
Моя надежда – заявляю громко, –
Которая последнею умрёт,
Воскреснет в ком-то из моих потомков.

21 июля 2003 г.

Поёт петушок

От нечистой силы оградив
Новый день, на тыне, а не в сказке,
Петушок голосовые связки
Рвёт, как рвут рубаху на груди.

В небо песней собственной влеком,
Он поёт светло, самозабвенно,
Так, что солнцем набухают вены
На моих руках, и к горлу ком

Подступает, нежен и горяч,
Словно губы женщины любимой,
Словно милосердья негасимый
Свет, с которым стал я сердцем зряч.

Жарким гребнем подперев зарю,
Петушок горланит на заборе,
И с души, как прах, осыпав хвори,
Я Тебя, Господь, благодарю.

Не за хлеб в обители моей,
А за то, что в зарослях крушины
От рассветной песни петушиной
Сладко замирает соловей.

26 июля 2003 г.

Надежда на Бога

На Бога надейся, а сам не плошай.

Поговорка

Не знаящие губительной потравы,
Густые, не знакомые с косой,
Меня обильно осыпают травы,
Как милостями царскими, росой.

От их огня студёного по жилам
Кровь мчится, удилами закусив
Мой каждый вздох... И, чувствую, по силам
Мне день, встающий над рядами ив,

День, то молитвой жаркой жгущий губы,
То немотой, сводящей вдруг с ума...
Мне были б по плечу и волчья шуба,
И нищенская горькая сума.

Всем сердцем и кровинкой каждой знаю,
Меня не испугает ничего...
Что ни пошлёт Господь – не оплошаю,
Пока надеюсь только на Него.

30 июля 2003 г.

Гроза в степи

Ветром освистаны дали степные...
А над полынью, прикрывшей овраг,
Молнии рыщут, как люди лихие,
Пряча кривые ухмылки в кулак

Тучи огромной, набухшей громами.
И не с того ли, о травке забыв,
Мерин буланный тревожно ушами
Прядает, ближе ко мне подступив?

Только не надо пугаться, лошадка,
Молний, ныряющих за окоём, –
Это у майской грозы на запятках
Снова проносится детство моё,

Не замечая седин моих ранних
И под глазами залёгших кругов,
И потому я, наверно, до грани
Дней своих верить по-детски готов

В души, которые собственным светом
Светят, рождая сияние дня,
И (ничего нет важнее, чем это)
В то, что Господь не оставит меня.

30 июля 2003 г.

Иосиф Флавий. Иудейская война

Встав над средою своих соплеменников,
Верой и правдой он Риму служил,
Сын Маттитяху, из рода священников,
Он за империю душу сложил.

Он, от нахлынувшей славы хмелеющий,
Вечность теснящий пером и мечом;
Он, нержавеющим словом владеющий,
Как многоопытный воин мечом.

Только сомненья, как гидра Лернейская,
Гложут его, смяв спасительный сон.
Если б евреи войну Иудейскую
Не проиграли – не выиграл б он.

Что ж, убелённый до срока сединами,
Эту войну свою он не спеша
Выиграл, но обернулись руинами
Самыми горькими храм и душа.

1 августа 2003 г.

Новое небо

Знать будет каждому нелишне,
Когда лукавый судьбы рушит,
Что небо новое Всевышний
Уже сегодня в наших душах

Творит, Своею славой полня
Мир тот, что есть, и тот, который
В огне разъявших землю молний
Придёт, став вечности опорой.

Уже сегодня опалённый
Огнём, где не бывает брода,
Я слышу грозный, отдалённый
Гул рухнувшего небосвода.

Но велика Господня милость,
Пусть старый мир сгорел, как Троя,
Но небо новое открылось
У человека за душою.

И ничего, что он пылинкой
Порою выглядит убогой –
Лишь небо может быть с овчинку,
Но не душа в объятьях Бога.

2 августа 2003 г.

Монолог «Летучего Голландца»

Время не спеша бредёт, как вол,
Но уже вне времени лечу я,
У судьбы жестокой с пенных волн
На лету срывая поцелуи.

До чего ж устал скитаться я,
С сатаною в поддавки играя...
Не с того ль вдруг стаей воронья
Обернулась рыб летучих стая?

И, увы, наверно, оттого
Чую я, заласкан мёртвой зыбью,
Как у капитана моего
В жилах кровь струится кровью рыбьей.

Мне бы якорь бросить где-нибудь
И земле поклон ударить низкий
Парусом поникшим, но мой путь
Не окончен, и моей прописки

Порт лишь Богу ведом одному.
Боже, скрип во мне, как крик, теснится:
С душ матросских смой, Спаситель, тьму,
Дай причалить им к Твоей деснице.

2 августа 2003 г.

Мать над колыбелью

Немеркнущим светом над городом спящим
Звезда среди сотен и тысяч других
Сияет, даруя надежду скорбящим
И небом раздвинувшись в душах слепых.

А в яслях, на мягкой подстилке из сена,
Светлее весенней рассветной зари,
Спит сладко Дитя, в бесконечность Вселенной
Пуская младенческие пузыри.

И женщина, полная кроткого света,
Счастливая, кутаясь в старую шаль,
С улыбкой, презревшей бездонную Лету,
Глядит в колыбель, как в пьянящую даль.

Там царство добра и любви всемогущей,
Господней, владеющей миром давно,
Там солнцем залитые райские кущи,
И дьяволу вырубить их не дано.

И там же – Гора неизбывной печали
Под тучей, клубящейся, как вороньё,
И крест тот, с которого только что сняли
Сыночка её, но не сердце её.

5 августа 2003 г.

На степной горизонт опираясь

На степной горизонт опираясь,
Солнце метит в июльскую синь,
И седую росой опыляясь,
На глазах молодеет полынь.

Я, сорвавший с души своей шоры,
Ощущаю, как полнится грудь
Необъятностью вольных просторов,
Каждой травки глубинную суть

Мне открывших у старого лога
Прошлой ночью при полной луне,
Чтоб восславил я Господа Бога,
Этот мир подарившего мне.

Этот мир, чьей изнанкой суровой
Был учён я не раз и не два,
Мир, в котором из Божьего Слова
Мне до гроба чеканить слова,

Чтоб сердечною мышцею, братцы,
Повергающей в страх вороньё
И готовой вот-вот разорваться,
Билось каждое слово моё.

6 августа 2003 г.

Буря на море

Всё небо вдруг заволокло
Тоской чугуновой,
И море пенное сошло
С дорожки лунной.

Вода дохнула холодком
Иным, глубинным,
И страх по-крабьи так, бочком,
По нашим спинам

Пошёл, и стынет в жилах кровь
От рёва моря,
И я увидел мамин кров
У осокозя.

В густой, как травы, тишине –
Дом в два окошка,
И кротко теплится в окне
Звезда иль плошка...

За горло море нас берёт
Волн круговертью,
И каждый вспомнил, что берёт
На случай смерти:

Вот этот – грустный жар осин,
Тот – жёнку, клушу.
И только выдохнул один:
«Сберечь бы душу».

9 августа 2003 г.

Летним вечером

Вечер. Кончается жаркое лето.
Небо, тревожно-багрового цвета,
В речке разглядывает облака,
И муравей, зная, от тяжелой работы
Чёрный, как грех, чуть ползёт, но охоты
Нет на букашку смотреть свысока.

Не потому ли, что здесь, под стеною
Трав, для высокой звезды надо мною
Я незначительнее мураша?
Может... Но спорить, наверно, не нужно –
Это, скорее всего, потому, что
Небо и землю вмещает душа.

11 августа 2003 г.

К моему сердцу

Моё сердце, меня от смердящей
Фальши в мире надёжно храня,
Стало ты спотыкаться всё чаще,
В пот холодный бросая меня.

Но явил мне Господь Свою милость,
Хоть и били не раз меня влёт –
То, как птица, о солнце ты билось,
То, как рыба, ты билось об лёд.

Годы брали своё, старя тело,
Становилось обидно до слёз,
Но работало ты, но звенело
Не на славу, о нет, – на износ.

И я ведаю: как ни усердствуй
Дьявол – что мне его западня?
Ты не просто болишь, моё сердце,
Ты болеешь, мой друг, за меня.

За стихи мои, полные мая,
За речушку мою, за жнивье...
И чем жарче ты бьёшься, тем, знаю,
Будет длительней эхо твоё.

12 августа 2003 г.

Сны моего детства

Я ходил на войну по отцовскому следу,
Я касался стерни, как небритой щеки,
И, не раз отступая, я бредил победой,
Закалявшей мой дух и мои желваки.

Как на точку высокую самую мира,
Опалённого яростным шквалом огня,
Поднимали в атаку меня командиры
И бросали на ветер свинцовый меня.

Я ходил на войну по коварным болотам,
Где, я знал, каждый мною оставленный след
Наливался отцовским горячечным потом,
Отражавшим грядущий победный рассвет.

Я спешил по отцовскому следу, как будто
В книге жизни его я читал письма.
Было в книге той всё: боль, сердечная смута,
Свет любви... И мне было во сне не до сна,

Потому что сквозь чёрное марево смерти,
Предвкушая нездешней весны благодать,
К Богу двигался я, и меня, уж поверьте,
Никакая война не смогла б удержать.

14 августа 2003 г.

Золото осени нашей

(Жене)

Серая речка и серый рассвет...
В небе, над нашей криницей,
Нехотя тающей осени вслед
Хрипло заплакала птица.

Где оно, золото осени, где?
Может, развеяла буря?
Может, кругами ушло по воде,
Полной когда-то лазури?

Где оно, чище, чем солнечный блик,
Певшее колоколами?
Может быть, дворники в кучи скребли
И подожгли за дворами?

Нет, оно с нами всегда и везде,
Золото осени нашей:
В лунных морях и в летучей звезде,
Даже в мелеющей чаше

Неба осеннего... Чувств наших нить
Крепче цепей... Что нам осень?!
Золота осени нашей хватить
Может на тысячу вёсен.

14 августа 2003 г.

Прыжок с парашютом

...И шагнул я в рассветный салют
Солнца цвета созревшего хлеба,
Распахнув над землёй парашют,
Словно купол седьмого неба.

Свою радость я миру дарю,
Я парю вровень с облачком белым,
И озоновую дыру
Закрываю я собственным телом,

Чтоб лукавый в неё не пролез,
От удачи охоты хмелея,
Чтобы этих чистейших небес
Не коснулось дыхание змея.

И стоят слёзы счастья в глазах...
То ли птица бесстрашная, то ли
Ангел в кирзовых сапогах,
Я лечу вдоль пшеничного поля.

День грядущий на плечи взвалив,
Ощущая, как сажень косая
Просыпается в них... И земли
Я, как Божьей десницы, касаюсь.

17 августа 2003 г.

Из детства

(Год 1946-й)

Я помню, ночь июльская была,
И под луной, огромной и багровой,
В воде, теплее молока парного,
Плескались мы в чём мама родила.

Мы оглашали радостью своей
Мир, словно в рай вернулись мы, мальчишки...
Дырявые футболки и штанишки,
Как горестное прошлое людей,

Валялись у пушистого куста...
И краше всех костюмов на порядок,
Почище королевского наряда
Нас украшала наша нагота.

Июльский гром, сминая звон звезды,
За горизонтом где-то бил баклуши...
И были наши помыслы и души,
Как наша кожа детская, чисты.

И, никаких не ведая проблем,
Не знал я, хоть лукавый строил ковы:
Мы первые из племени людского,
Кого Всевышний возвратил в Эдем.

19 августа 2003 г.

Дай, Господи, мне песни

Дай, Господи, мне песни, мамой петье
Давным-давно под кроною кленовой,
Дай золота весеннего рассвета,
Дай серебра мне дождика слепого.

Мне не нужны ни гамбургер, ни пицца –
Дай хлеба облаков над спелой рожью,
Дай вдоволь мне живой воды напиться,
Которая зовётся Словом Божьим.

Дай мне ударить в утреннюю зорьку,
Отлитую из криков петушиных,
Чтоб покатилося над полынью горькой
Волнующее эхо дней былинных.

Дай мне побольше солнечного света,
Пронизанного запахом шалфея,
Но отними, Спаситель мой, всё это,
Коль я отдать всё это не сумею.

Так дай, как жизнь, мне радость вдохновенья,
Судьбе не позволяющего сдаться,
Дай, Всемогуший, в росчерке мгновенья
Увидеть вечность и в живых остаться.

19 августа 2003 г.

В ночной степи

Сижу я у погасшего костра
В степи, где звёзды падают мне в руки,
Где шорохов и запахов игра
Меня спасает от смертельной скуки.

Здесь не укрыться за стеной огня
Неоновой рекламы, здесь – послушай –
Доверчивое ржание коня,
Как горизонта зов, волнует душу.

Здесь, как нигде, ты близок к небесам
И днём погожим, и порой ненастной;
Здесь доверяешь больше, чем глазам,
Слепой любви к земле своей прекрасной.

Здесь, благодарно глядя в небосвод,
Вдруг понимаешь, не смутясь нисколько,
Что щедрость сердца твоего живёт
Щедротами Господними – и только.

Всё остальное – суета сует,
Всё остальное – призрачно, убого.
И ничего на этом свете нет,
Коль нет в тебе всевидящего Бога.

19 августа 2003 г.

ФИНИК

Осень. Сырость. В роще филин
Ухает, по нервам бьёт,
Но со мной сушёный финик –
Может, самый сладкий плод.

И всю ночь поэт опальный,
Будто в детстве, вижу я:
Вверх вдоль финиковой пальмы
Зной струится, как змея,

Укрощённая факиром,
Вставшая легко на хвост,
А до сказочного мира
Тысяч пять, наверно, вёрст.

Но летит, в одно мгновенье
Этот путь покрыв без сна,
Бедуин как продолженье
Собственного скакуна.

И уносят от простуды
Мимо слякотного дня
Луногорбые верблюды
В море марева меня.

На столе моём не пусто:
Три картошки, хлеба кус...
И у финика – капусты
Кислой – прямо райский вкус.

21 августа 2003 г.

Ранним утром

(Жене)

Ранним утром, в четвёртом часу,
Раньше красного солнышка встав,
Как с лица твоего, я росу
Пить с кленового буду листа.

Я промчусь по траве босиком,
На пороге оставив свой сон,
Чтоб из горла волнения ком
Покатился за горизонт,

Словно жаркое эхо... И кровь
Зазвенит в поднебесье висков
Певчей птахой про нашу любовь,
Для которой не надобно слов,

Но с которой Господь твой и мой,
Свет даруя душе и глазам,
Вдруг в привычности жизни земной
Открывает небесное нам.

22 августа 2003 г.

У креста

(Сон)

Сжав готовые криком взорваться уста
Рядом с жадной до зрелища голью,
Весь в холодном поту у подножья креста
Я стою, раздираемый болью,

Что по самые шляпки гвоздей в Его плоть
Входит, мир этот, кажется, руша.
Вдруг, раздвинув тяжёлые веки, Господь
Улыбнулся, омыв мою душу

Светом зорь, до которых мне долго идти,
В кровь и ноги, и душу сбивая,
Чтобы сердце, рванувшееся из груди,
Жить училось, себя забывая;

Забывая обиды, злословия яд,
Страх мирской, слепотою возвращённый,
Но не эту толпу, средь которой и я,
Им пред вечностью неба прощённый.

23 августа 2003 г.

Однажды...

Однажды, застыв над волнами морскими,
Я понял, приблизив былинку к лицу:
Господь говорит языками земными,
Понятными отроку и мудрецу.

Куда б ни направил ты чуткое ухо,
Услышишь ты Бога всей кровью своей
И в майской грозе, и в дыхании пуха,
Бесшумно слетающего с тополей.

Ты голос Его, окрыляющий душу,
Услышишь (хоть каркает, злзсь, вороньё)
Во всём, что пришло и придёт – только слушай
Прозревшее Голосом сердце своё.

Устало вздыхает вдова на пороге,
Волнуется жито, грохочет прибой;
И слушают ангелы и пророки,
Как Бог разговаривает с тобой.

23 августа 2003 г.

Бар-Кохба – сын звезды

О, Рим необоримый –
Знак славы и беды!
Но бросил вызов Риму
Бар-Кохба – сын звезды.

Он мышцею был крепок,
Он духом был – Самсон,
И небо чёрным крепом
Качнул над Римом он.

Но отвернулось счастье:
Безжалостны и злы,
Звезду его на части
Имперские орлы

Рвут... И мечом калёным
Кровавый справлен пир,
Смят пятым легионом
Обетованный мир.

И – никаких отдушин
Тебе, хоть волком вой...
Смят камень, а вот душу
Смять не смогли его.

И он, лихой и статный,
Приняв неравный бой,
Погиб, чтоб незакатной
В веках сиять звездой.

24 августа 2003 г.

День Победы

Все ужасы войны до дна изведав,
Не богатырской грудью белый свет
Прикрыв, отец не дожил до Победы,
Уйдя из жизни в тридцать с лишним лет.

Потом был май, по-детски чист и розов,
Хотя вокруг ещё дымился прах...
И мама до крови кусала слёзы
На сиротливых собственных губах.

А я стоял, пригретый солнцем вешним,
И на округу всю, лаская слух,
Пел голосом рыдающим и вещим –
Ну просто чудом выживший петух.

И не по дням, а по часам взрослея,
Молитвой материнскою храним,
Я жить учился, сердце не жалея,
Чтоб научиться дорожить чужим,

Чтоб понял я, став к истине причастен,
Какой дано творить добро из зла:
Отец меня спас для земного счастья,
А мама – для небесного спасла.

26 августа 2003 г.

Облака

Над невзрачной нашей хатой,
Вдоль рассветов и закатов,
Далеко издалека
Держат путь свой облака.

Как седины нашей мамы,
Во сто крат белее манны,
Чередой бегут они
В канувшие в Лету дни,

Где мы каждой травке рады,
Где сидим с тобою рядом
Над речушкой, среди ив,
Грусть верёвочкой завив,

Где у солнышка под боком
Птаха звонко славит Бога,
Где я понял с юных лет:
Слово – вечности хребет.

Слово – Божьей славы песня...
Не в Его ли поднебесье
Далеко издалека
Мчатся эти облака?

27 августа 2003 г.

Время и пирамиды

Где солнце, оплавив зенит,
Безжалостно бьёт меня в темя,
Как с гуся вода, с пирамид
Стекает бесстрастное время.

Его не задобрить ничем,
Не стоит играть с ним в рулетку,
Дремать у него на плече
Иль хныкать ему в жилетку.

Земная согнулась бы ось
Здесь, в зное, клубящемся дымом,
Где намертво время сплелось
С могилами, вставшими дыбом.

Знать, им заодно быть дотла
В сей жизни, и страшной, и дивной,
Коль смотрятся, как в зеркала,
Друг в друга они неотрывно.

Бессмертие ночью и днём
Питает их крепостью вечной...
Но что они знали б о нём
Без жизни моей быстротечной?

1 сентября 2003 г.

Римлянам, евреям, коринфянам...

Римлянам, евреям, коринфянам
Раздавал он свет души своей,
Каждым словом, верой осиянным,
Приближая к Господу людей.

Писанные на одном дыханье
Два тысячелетия назад,
Павловы бессмертные посланья –
Словно из грядущего набат.

Он жалел мир жадный и лукавый,
Зная, что набьём ещё не раз
Шишки, голосуя за Варавву
И не слыша гибнущих за нас.

Он спешил к нам при пустой котомке,
Но любовью полный до краёв,
Разгоняя душ чужих потёмки
Светом из души идущих слов.

А потом душа его рассталась
С телом, чтоб могли мы подтвердить:
Никому ещё не удавалось
Слово вместе с головой срубить.

3 сентября 2003 г.

Упавшая звезда

Звезда упала, ночь осилив вброд,
Чтоб услышать, как под седой берёзой
По швам меридианов и широт
Земля трещит от лютого мороза.

Звезда спешила миллионы дней,
Дабы узреть, сиянье звёзд упрочив,
Как щедрою улыбкой до ушей
Луна смиряет холод чьей-то ночи,

Как чёрно-белый пёс на пустыре,
Когда-то сытый, крепкий и вальяжный,
В крутых собачьих драках постарев,
Судьбе в жилетку плачется протяжно.

Но знаем только я и свет свечи
В окошке, от бессонницы усталом:
Звезда летела тыщи лет в ночи
На свет другой звезды, но опоздала.

И всё ж – не знаю, чудо то иль нет,
Но сквозь густой мохнатый снег летящий
В звезде упавшей вдруг забрезжил свет
Звезды, над Вифлеемом восходящей.

4 сентября 2003 г.

Женщина

Мир то клевал её, как вороньё,
То был к ней звёздно-сусален:
На пьедестал поднимали её
И на панель опускали.

Но, подчиняясь капризам мужей,
В мире (что б жизнь ни сулила)
Женщина знала всей сутью своей:
Женщина – главная сила.

В мире, где правят огнём и мечом,
Может мужик опереться
Только на мягкое бабье плечо,
Только на нём отогреться.

Рушат ли Трою мужи или ввысь,
К солнцу, вздымают стропила –
Кто бы узнал про их славную жизнь,
Если б не укрепила

Женская нежность железо их рук,
Силу их духа? Ну разве б
Вывел на стрежень истории струг
Без женщины Стенька Разин?

Женскую славу мужам не затмить!
«Кто, – вопрошаю я строго, –
Так высоко смог взойти, чтоб омыть
Ноги усталому Богу?»

5 сентября 2003 г.

Небес глубину сохранив

(О маме. Год 1946-й)

Небес глубину сохранив
(Надолго ль?), над хатою прямо,
Последние тёплые дни
Ласкают лицо моей мамы.

В светящейся дымке седин
Былинкой стоит она хрупкой,
И птиц улетающих клин –
Как будто на сердце зарубка.

В заморские земли, на юг,
Летит многокрылая стая,
По имени маму мою
Над ширью полей окликаая.

И сердце стучит в окоём,
И мама в волненье забытом
Летит, хоть и схожа её
Улыбка с крылом перебитым, –

Сквозь злобу летит и враньё,
Сквозь пошлости жизни убогой...
И слабые крылья её
Крепчают дыханием Бога.

7 сентября 2003 г.

Подкупить время

Ночь такая тихая,
Что сквозь тучку мятую
Слышу я, как тикает
Звёздочка над хатою.

Не своей доступностью,
Не икрою паюсной –
Жёсткой неподкупностью
Время подкупает нас,

Широтой эпической,
Счастья быстротечностью,
Бездною космической
И людской сердечностью.

Ну а мы – что, собственно,
В этом удивительного? –
Только жизнью собственной
Можем подкупить его.

3 ноября 2003 г

В ночной тишине

В распахнутом окне висит луна,
Страдающая вечною желтухой,
И снова я всю ночь лежу без сна,
Во власти обострившегося слуха.

Я слышу за рекою шелест ржи
И за миллион парсеков – звёзд рождение,
Но что важнее – собственной души
Навстречу небу слышу я движение.

И ничего значительнее нет
На этом свете и в иных пределах,
Чем слышать, как струится в душу свет
С одежд Господних первозданно-белых.

А может быть, важнее во сто крат
Жить, сирых и убогих призревая,
Чтоб с собственной души, поправшей ад,
Услышать, как чужая – прозревает?

7 ноября 2003 г.

Камень на сердце

Оглашая карканьем жнивье,
Где вчера я был с косою так ловок,
Чёрным дымом виснет воронье,
Воробьёв пугая и полёвок.

Что-то с сердцем сделалось моим,
Может, оробело ретивое
Перед небом сумрачно-седым,
Глядя в пруд, как в зеркало кривое.

Мне б, как встарь, махнуть за окоём
За звездой, за птицею летящей,
Только сердце бедное моё
Что-то спотыкается всё чаще.

Не о тот ли, что судьбу крушит,
На сердце лежащий серый камень?..
Господи, не дай, чтоб свет души
Был раздавлен злыми желваками.

Но всели в меня Ты Божий страх
И, чтоб счастьем на лице зардеться,
В покаянных растопи слезах
Этот камень, придавивший сердце.

10 ноября 2003 г.

Единственная дорога

Лежал я, измучен горячевой кровью,
Приклеившись взглядом усталым к звезде,
И знал я: Господь мой стоит в изголовье,
Десницу Свою надо мною воздевает.

Такого со мной отродясь не бывало,
Хотя голова уже крепко бела:
Вся прошлая жизнь по щекам моим впалым,
Хлебавши несолоно, тихо текла.

И понял я, ликом от радости розов,
События все воедино связав:
Лишь только они, покаянные слёзы,
Мне смогут и душу промыть, и глаза,

Чтоб я разглядел, пусть уже на излёте
Отпущенных лет мне, шагнув за порог,
Дорогу единственную среди сотен
Закрученных в адовы кольца дорог.

14 ноября 2003 г.

Сладость Божьего страха

Господи, вот я стою пред Тобою...
Всё, что имел я, – ничтожнее праха,
Кроме (чтоб справиться смог я с судьбою)
Сердце согревшего Божьего страха.

Всё, что утратил, – бесплотнее тени
Перед полуденным солнцем над хатой,
Всё, что нашёл я, упав на колени
Перед Тобою, – надёжней булата.

Я, крепко жёванный жизнью суровой,
Понял Твоею и собственной кровью:
Это глаза велики у мирского
Страху, у Божьего – дышат любовью,

Той, что, сияя рассветною зорькой,
Не побоится подняться на плаху,
Зная: пусть жизнь будет горькой-прегорькой –
Ей не убить сладость Божьего страха.

20 ноября 2003 г.

Первый снег

Голому хлебному полю угоден,
Словно волнующий сон о весне,
С неба седьмого на цыпочках сходит
Чистый, ещё не запятнанный снег.

Вот он идёт... Не на свет ли в окошке?
Снег, как Евангелие от седин
Кроткой вдовы, в чьей шершавой ладошке,
Как в поднебесье, парит её сын?

И никому уже не разобраться:
То ли идёт нескончаемый снег,
То ли молочные реки струятся
Из Ханаана в сегодняшний век.

Падает снег не спеша, просветлённо –
Завтра детишек сведёт он с ума.
И лучезарная, как Соломонов
Храм, поднялась над землёю зима.

21 ноября 2003 г.

Зимней ночью

Дым из трубы восходит, не качается –
Так тихо. И под скрип моих шагов
Неразделимо так переплетается
Мерцанье звёзд с мерцанием снегов.

За шиворот звезда скатилась льдинкою,
Но холодом меня не обожгло.
Не потому ль, что пахнет семеринкою
Снег, заваливший спящее село?

Вокруг всё дышит чистотой и свежестью,
И светел снег, не тронутый людьми.
И сердцем становясь мудрее, нежусь я
В Господней укрепляющей любви.

Его любовь меня ни в коем случае
Не подведёт нигде и никогда,
Пусть даже я мелькну звездой падучею,
В осенних травах сгинув без следа.

Но кто-нибудь когда-нибудь, по совести
Живущий, прах живой разворошив,
Найдёт мою звезду, а в ней – сокровища
Своей дремавшей столько лет души.

29 ноября 2003 г.

Подай мне, Господи...

Подай мне, Господи, не хлеба,
Не злата-серебра подай,
Подай мне хоть с овчинку неба,
Которым правит звонкий май.

Мне не нужны ни красный терем,
Ни «мерседес», ни важный пост.
Подай мне луг, где пегий мерин
Звенит уздечкою из звёзд.

Подай студёность рос рассветных,
Ядрёных, крепких, как орех
Калёный, и цветов несметных,
Чьи краски зрели в росах тех,

Прозрачность дождика слепого
И листьев звон, отлитый в медь,
От Твоего подай мне Слова,
Чтоб смог я не фальшиво спеть,

Чтоб я в сей жизни быстротечной
Узрел седьмого неба высь.
Подай мне, Господи, от вечной
Твоей любви... Подай мне жизнь.

3 декабря 2003 г.

Море слёз

Подсолнухом горячим осиянный,
Хлебнувший горя горького сполна,
Стою я на земле обетованной,
Где что ни тын – то скорбная стена.

По этим переулкам, вдоль заборов,
Вели на смерть под хищный блеск штыков
Безграмотных биндюжников и Торы
Божественной великих знатоков.

Их гнали от насиженных порогов,
И опускалась на колени пыль
За стариком, похожим на пророка,
И за старухой, мудрой, как Рахиль.

«И ничего нет странного, – я сыну
Шепчу, улыбкой грустной старя рот, –
Что жаворонок в небе Украины
О Храме Соломоновом поёт;

Что, бликами в веках уже маяча,
Волнуется, впадая в синий плёс,
Меж нашим тыном и Стеною Плача
Не мёртвое – живое море слёз».

5 декабря 2003 г.

Суламифь

И будет удивляться белый свет
На протяжение вечности: откуда
У девочки четырнадцати лет
Такая сила чувств жила под спудом?

Откуда в скромной дочке пастуха,
Весь век прожившей в серых стенах тесных,
Не знавшей от рождения греха,
Такое знание всех утех телесных?

Наверное, пришла её пора,
И не было открытие случайным:
Любовь, как голь, на выдумки хитра,
Которые сродни великим тайнам.

Не потому ли, чёрной злобы злей,
Не ведая, что все они – игрушки,
Царицы пасовали перед ней,
Девчонкой из убогой деревушки?!

И в дивный час забрезжившей зари,
Когда химеры в страхе прячут рыла,
Мудрейший царь ей Песню подарил,
Она ему – бессмертье подарила.

7 декабря 2003 г.

Божье время

Наше время – не Господа время,
Наша вечность – лишь миг для Него,
И страстей человеческих бремя
В Божьей длани – всего ничего.

Божье время – надежды утеха,
Божье время – иной окоём,
Но не наше оно, коль в потеху
Превращаем мы время своё.

Мы под дудку лукавого пляшем,
Может, чаще, чем кажется нам,
Но придёт Божье время по нашим
Опалённым страстями сердцам.

И, на время не сетуя злое,
Вдруг откроем, от счастья светясь:
Божье время – не что иное,
Как прозревшей души ипостась.

7 декабря 2003 г.

Вечный день на память

(О сестре Люде)

Запах трав степных. В разгаре лето.
Мимо хат, проворны и легки,
Золотистой кромкою рассвета
Мы к реке летим вперегонки.

Мчимся мы на берег многоцветный
От цветов, не знающих косы,
Наше детство над землёй рассветной
Осыпая серебром росы.

И ныряем, глубь небес волнуя,
Где, уйдя в густую тень осин,
На девчонку – рыбку золотую,
Рты раскрыв, глазают караси.

Всё сильнее солнце припекает,
И я чую (может быть, к грозе?),
Как навеки к сердцу прикипает
Этот день во всей своей красе.

А гроза придёт, срывая ставень,
Сотрясая старенький плетень,
И уйдёшь ты вместе с ней, оставив
Мне на память этот вечный день.

25 декабря 2003 г.

Поднималось солнышко над речкой

(О сестре Люде)

Поднималось солнышко над речкой,
От упавших бликов шли круги,
И, смеясь, сбегала ты с крылечка
С сердцем собственным вперегонки.

И за тыном сразу, вдоль дороги,
Где трава особенно густа,
Вслед тебе без устали сороки
Новостями сыпали с хвоста.

Закатилась жизнь твоя колечком
За рассвет... И, время торопя,
Вижу: то ли ты, родная, в речку,
То ли речка смотрит на тебя.

Не с того ли ты ушла в рассвете
Сил на гребне августовских дней,
Что была у Бога на примете
Родниковой чистотой своей?

Что, не дав себя опутать ложью,
Не одну химеру сокрушив,
Высекала заповеди Божьи
На скрижалях собственной души?

3 января 2004 г.

Оклик в тишине

(О маме)

Все пути, дороги, тропы
Снегом пышным замело;
Обжигаясь о сугробы,
Звёзды падают в село.

А вокруг стоит такая
Тишина, что слышно мне,
Как Медведица Большая
Чешет жирный бок во сне,

Как поют саней полозья
За версту, как там, в земле,
Напрягаются колосья
Хлеба в дремлющем зерне.

Мой пытливый ум тревожа,
Мне всегда твердила мать:
«Тишина такая может
Наши души врачевать.

Ты на трудный быт не сетуй,
Но прислушайся, сынок:
Тишина какая!.. Это
Нас с тобой окликнул Бог».

8 января 2004 г.

Монолог разрушенного Храма

Я – разрушенный Храм Соломонов,
От меня – только эхо молвы...
И весенних громов перезвоны
Я услышу не завтра, увы.

Но прислушайтесь к камню седому,
И услышите вы голоса,
Что под стенами Божьего дома
Не смолкая шумят, словно сад.

То встают над вселенским пороком,
Подпирая мой купол веков,
Голоса пастухов и пророков,
Нищих, мытарей и рыбаков.

И горючими тает слезами
Моя западная стена,
Чтоб под этими небесами
Никогда и никто не стenal;

Чтобы вечность рванув, как рубаху
На груди, чёрным силам на страх,
Я однажды поднялся из праха,
Ад кромешный повергнув во прах.

Нет покуда меня рядом с вами,
Но есть слёзы, и, надо сказать,
Это – самый надёжный фундамент,
На котором я буду стоять!

8 января 2004 г.

Воспоминание

Парила луна, как во сне,
И, мышцам дарующий удаль,
Уютно поскрипывал снег
Под ночью, идущей на убыль.

Вдоль речки я шёл в никуда...
И, с неба сорвавшись над дамбой,
Ломилась мне в сердце звезда,
Звеня обжигающим ямбом.

Простые, как дождь, как трава,
Богатством, ей-Богу, несметным,
Ко мне приходили слова,
Дыша горизонтом рассветным.

И в тихий предутренний час
Господь Всемогущий, Который
Есть Слово, срывал с моих глаз,
А может, с души моей, шоры.

«Не бойся морщин и горба, –
Был явственный голос мне с неба, –
К тебе не слова, а судьба
Пришла по чистейшему снегу».

11 января 2004 г.

Снова ночь зовёт

И снова ночь зовёт меня туда,
Где буду слушать, сидя под осиною,
Как тоненько звенит в воде звезда
О царскую корону лягушиную;

Где тихим светом мне прольётся в грудь
Щемящая печаль необоримая,
Что не постигнет даже Млечный Путь
Пути Господни неисповедимые;

Где я с дыханьем речки и травы
Смешаю своё жаркое дыхание
И где звезде падучей вслед, увы,
Я не успею загадать желание.

Но это, прямо скажем, не беда,
Куда важнее, что успел ладони я
Подставить ей, и пусть решит звезда:
Душа иль небо – кто из них бездоннее?

И там, при свете утренней зари,
Я вдруг пойму, что можно жить не злобствуя,
Что наконец-то в землю я зарыл
Топор войны с душою собственной.

16 января 2004 г.

Слова и ветер

Рассветный ветер вдоль забора
Промчался, голову сломя,
Оставив мне степным простором
Насквозь пропахшие слова.

Живут в них шелест трав былинных,
Косой не тронутых, густых,
Усталость крыльев журавлиных
И свежесть рос, как лунь, седых.

В них – свет забитой в крест берёзы,
В них покаянья моего
Душой исторгнутые слёзы –
Нет слаще слёз тех ничего.

В них – молний клинопись, как шрамы
На небе в тот победный год,
В них – вдовьи ночи моей мамы,
В них – родина моя живёт.

И я услышал, сердцем светел,
Мир оглядев из края в край,
Как ветер мне пропел: «Ты эти
Слова на ветер не бросай!»

20 января 2004 г.

В зимнюю ночь

Полыхает огонь за железною дверцей,
Наполняя мою комнатку теплом,
И опять я срастаюсь взволнованным сердцем
С потемневшим от времени крепким столом.

Всею кровью своей, каждой клеточкой тела
Чую я, и, наверно, есть в том резон:
Край стола моего раскалён до предела,
Как лучами рассветными – горизонт.

Мне б осилить круг жизни, круги преисподней
Миновав, мне прожить бы свой век не во зле,
Не для славы мирской, но для славы Господней
На моей многогрешной прекрасной земле.

И, даруя мне свет ключевого момента,
Вдруг из самых глубин моего существа
В день грядущий, как новые континенты,
Поднимаются мощно и зримо слова.

Верю, Богу угодна такая работа
В этой жизни, порою совсем не простой,
Коль дрожит на виске у меня капля пота
С неба павшей, ещё не остывшей звездой.

23 января 2004 г.

Как в детстве...

Как в детстве, в предчувствии всяких чудес
На зорьке спешу вдоль забора я
К реке, отразившей семь вёрст до небес,
Те самые, лесом которые.

Росой осыпает осина меня,
Как милостями несметными,
И кольца годичные старого пня
Звонят под лучами рассветными.

Я взглядом по небу седьмому кружу,
На утлую тучку не сетуя,
Я в нашу негромкую речку вхожу,
Лягушками щедро воспетую.

Я небо и землю собою связал
В понятие неразделимое,
И кажется мне, что другие глаза
Обрёл я, чтоб видеть незримое.

И радуюсь я своему бытию,
Лукавого козни презревшему,
Поскольку поставил Господь на мою
Бессмертную душу прозревшую.

26 января 2004 г.

Иисус и Пилат

Был прокуратор хмур лицом,
И взгляд вериг был тяжелее –
Весь день толпа перед дворцом
Ревела, глоток не жалея:

«Распни Его! Распни! Распни!»
А Тот, стоявший кротко, немо,
Чьи на исходе были дни,
Стелил ей в ноги купол неба.

И горького прозренья стон
Качнул вдруг Понтия Пилата,
Как будто не Иуда – он
Взял в тридцать сребреников плату.

Чиновник ловкий, не debil,
Не бивший никогда баклуши,
Он, римский всадник, загубил,
Умывши руки, свою душу.

А Тот, Кто дал бессмертье нам,
Стоял, и – зреть иным судилось:
Как горлинки, к Его ногам
Орлы имперские садились.

1 февраля 2004 г.

Я себя обрёл

Над рекой светает...
И, поспавши власть,
В облаках витают
Окунь и карась.

Лёгкий, легче струга,
Шелест трав поплыл,
Словно сон, что в руку
Этой ночью был.

Умиротворённый,
Полный светлых дум,
По росе калёной
Босиком иду.

И волнение душит,
И в душе царит
Свет, омывший душу, –
Божий свет зари.

Век мой на исходе,
Я сутул и сед...
Пусть он не проходит –
Чувств моих рассвет.

Жизнь порою дыбой
Дух крушит и плоть,
Но я выжил, ибо
Был со мной Господь.

Солнышко всё выше,
И я вновь – орёл...
Я не просто выжил –
Я себя обрёл.

4 февраля 2004 г.

Там, в степи

Там, в степи, где медвяный
Дух плывёт в тишине,
Дремлет мерин буланный,
Привалившись к луне.

Ни косы, ни потравы
Не узнав, дружно в рост
Встав на цыпочки, травы
Дотянулись до звёзд.

И одна, вся – беспечность,
От бессмертья устав,
Закатилась за вечность,
Как колечко под шкаф.

А другая, вдруг ярко
Вспыхнув, мчит сквозь меня,
О набухшие жаркой
Кровью жилы, звеня.

И над речкой, под кручей,
Где-то вскинулся язь,
Со звездою летучей
На мгновенье сплетясь.

Благодать-то какая!..
Будто ночь мне поёт:
«Больше Авеля Каин
Никогда не убьёт».

10 февраля 2004 г.

Мой парус

Колышется парус на пенной волне,
Как будто на гребне аккорда...
Мой парус не в море, мой парус – во мне –
Набухшая кровью аорта.

Мой парус косой, словно дождик косой,
Летит над родными лугами,
Мой парус набух материнской слезой
И яростными желваками.

Мой парус белее солдатских седин,
Обложенных матом и громом,
Мой парус выходит один на один
С неведомым мне окоёмом.

Мой парус надеждой всегда освещён
Над скорбною чьей-то постелью,
Мой парус каплейю весенней крещён
И пота седьмого купелью.

Мой парус не ходит по-крабьи, бочком,
Мой парус, подаренный Богом,
Ломящийся в горло горячим комком,
Частенько выходит мне боком.

И если однажды ночью порой
Услышите гром отдалённый –
То, может быть, парус взорвался мой,
Из мышцы сердечной возвращённый.

11 февраля 2004 г.

Загорелая до черноты

(О сестре Люде)

Загорелая до черноты,
Босоногая, неугомонная,
Серебристые росы калёные
Смаковала, как ягоды, ты.

Мне всю жизнь тебя помнить такой:
Кровью всей не приемля апатию,
Ты реке раскрывала объятья
И сама становилась рекой.

И, качаясь на светлой воде,
Улыбалась ты в небо высокое,
Чтоб на том берегу, под осокою,
Разгорался уверенней день.

Та пора, как звезда, далека,
Но сквозь годы мне снова мерещится,
Как в ладонях твоих тихо плещется
Чистой юности нашей река.

12 февраля 2004 г.

Мгновенья с вечным Богом

Я лежу у речки, на песке,
Тишиною умиротворённый,
Слушая, как бьётся на виске
В тонкой жилке полдень раскалённый.

И смотрю я с солнцем в головах,
Как неспешно облачко за речкой
Щиплет вёрсты в голубых лугах
Ласковой библейскою овечкой.

Господи, какая благодать,
Сбросив с плеч мирского страха бремя,
Наполняясь вещим небом, знать:
Над тобой уже не властно время!

Убивает слёту нашу плоть
Времени крутая быстротечность,
Но душа, которую Господь
Возлюбил, вброд переходит вечность

И оглядывает даль, светясь
Светом тем, что за земным порогом,
Чувствуя всё крепнущую связь
Каждого мгновенья с вечным Богом.

16 февраля 2004 г.

Монолог седьмого пота

Нелёгкий, часто злой, упрямый,
Не раз испытанный судьбою,
Я – пот седьмой, солёный самый,
Надёжен, как плечо литое.

Я – пот седьмой. Я верен цели,
Что рвёт сомнений всех тенёта,
И не бывает на неделе
Семь пятниц у седьмого пота.

Мне по сердцу мои заботы,
Я не приемлю жизнь иную –
Ведь из меня, седьмого пота,
Отлил Всевышний ось земную.

И что там говорить ни будут
О ценностях извечных люди –
Я – пот седьмой – восьмое чудо,
И чуда большего не будет.

Не потому ль, свершив работу,
Счастливо кто-то улыбнётся,
Когда с высот седьмого пота
Седьмое небо распахнётся?!

20 февраля 2004 г.

Журавль и синица

Журавль над простором угодий цветущих
В рассветных лучах золотится,
А вслед ему в чьих-то руках загребущих
Безумно тоскует синица.

Ей, птахе ручной, не взлететь над лугами,
Над полным небес водоёмом,
И ей никогда не раздвинуть крылами
Пьянящие кровь окоёмы.

Но в тесной ладони, пропахшей неволей,
Увы, обманувшись мякиной,
Вздыхая, всё сравнивать ей свою долю
С высокой судьбой журавлиной.

Всё есть у синицы: и дом, и монета,
И с маслом кус белого хлеба,
Всё есть у неё, одного только нету –
Судьбы, именуемой небом.

21 февраля 2004 г.

Мне сердце твердит...

Мне сердце твердит: ты у Бога не требуй
Ни почестей шумных, ни пышных хором,
Но кротко проси одного только неба,
Высокого, выше всех царских корон.

Лень-матушку быстро наладив с полатай
И вытолкав злые сомненья взашей,
Проси на рассвете, проси на закате,
Чтоб небо сияло в окне и в душе.

Пусть ветер судьбы тебя, словно песчинку,
Несёт, пусть тебя обложили семь бед –
Проси только неба, пусть даже с овчинку
Порой оно будет казаться тебе.

Ни с маслом белейшего свежего хлеба,
Ни звонких наград, чтоб в тусовках блистать, –
Проси только неба, бескрайнего неба,
Чтоб было стихам твоим чем прирастать.

Пускай тебя зной обжигает палящий,
И ноет от тяжелой работы спина –
Проси только неба, лишь неба просящий
Грядущей землёй овладеет сполна.

24 февраля 2004 г.

Пушкинская осень

Ударив лёгким громом оземь,
Играя бликами в окне,
На зорьке пушкинская осень
Пришла из Болдина ко мне.

И, этот мир озвучив снова,
Светла, стремительна, легка,
В червонном золоте кленовом
Звенит бессмертная строка.

И я, ещё витая где-то,
Пацан, росточком невелик,
В арапском профиле поэта
Судьбы угадываю лик.

Отныне и всю жизнь, пожалуй,
Мужая, набираясь сил,
Я буду греться у пожара
Шумящих над землёй осин.

И свет чужого вдохновенья
Легко пронзает облака,
И длится чудное мгновенье,
Уже вместившее века.

28 февраля 2004 г.

Монолог осла

«Он упрям, он глуп...» Ну, просто зла
Не хватает. Каждый меня судит.
Всех собак на бедного осла
Вешают безжалостные люди.

Жизнь меня, признаться, допекла.
Что же делать мне с жестоким бытом?
Может, бить во все колокола?
Может быть, лягнуть судьбу копытом?

Что же делать? Как мне дальше жить,
Чтобы – с расстановкой, с чувством, с толком?
Может быть, верёвочкой завить
Горе, чтобы не завывать мне волком?

Жизнь меня не балует, увы,
Но во мне надежда не погасла.
Я – осёл, но знаете ли вы,
Что во мне живёт душа Пегаса?

Что, когда неважно шли дела
У поэта там, на поле брани,
Он седлал упрямого осла,
Клин судьбы сгибая в рог бараний?

Ибо всяк, живущий не во зле,
Знает: воду Господу в угоду
На упрямых возят, в том числе
И живую воду.

15 марта 2004 г.

Сон в летнюю ночь

На берегу высоком
Я сплю и ощущаю,
Как топчется под боком
Медведица Большая,
Как зреет в медунице
Роса, как в дальних вёрстах
Упавшая жар-птица
Насиживает звёзды.

Я слышу, как за речкой,
С луною по соседству,
С отцовского крылечка
Сбегает моё детство

Навстречу зорьке ранней
И мчится вдоль июля,
Где мать мою в бараний
Рог семь потов согнули,

Но не сломали всё же,
Поскольку мама тихо
Твердила: «Дай мне, Боже,
Сил пересилить лихо,

Чтоб кроткий свет печали
Смял ненависти пламя,
Чтоб семь потов сверкали
Над девятью кругами».

19 марта 2004 г.

Поэт

Он проснётся среди ночи,
Сердцем собственным разбужен,
Чтобы лунный свет упрочить
В чуть замёрзших редких лужах.

И на Млечный Путь шагнёт он,
Чуя приближенье слова,
Разорвав легко тенёта
Притяжения земного.

И иные окоёмы
За грядущею зарёю
Разглядев, он душ разломы
Собственной душой закроет.

Снимет с сердца он кручину,
Он украсит счастьем лица,
И в ночи его седины
Вспыхнут щедрою зарницей.

А потом за стол он сядет,
Уперевшись в край душою,
И от ран её и ссадин
Стол дубовый вдруг заночует.

4 апреля 2004 г.

Ночная тишина

Застыв над речкой, в ночь бегущую,
Туда, к началу всех начал,
Я близость Бога Всемогущего
В притихшем мире ощущал.

И сердце, полное смирения,
Я погружал в сиянье звёзд,
И, удивлённый, на колени я
Упал, как встал вдруг в полный рост.

И потрясённая, прозревшая,
Надеждой новою дыша,
Поверив в милость, зло презревшая,
Врачу доверилась душа.

Пути Господни ей неведомы,
Но ведом крестный путь Его,
И, вновь испытанная бедами,
Любовь справляла торжество.

И ивы чуткие, покорные
В реке баюкали луну,
И, словно проповедь Нагорную,
Я жадно слушал тишину.

6 апреля 2004 г.

Ночной дождь

Дождь мне спать не даёт, и прилипли к стеклу
Мои сны, как осенние листья.
Разметать бы мне эту холодную мглу,
Горизонты от хмари очистив,

Чтобы жаром сухим окатило лицо
Под прогретою кроной кленовой;
Чтобы зайчики солнечные на крыльцо
Дружно прыгали с неба седьмого;

Чтобы кровь поднималась по жилам, звеня
О порог неземного чертога;
Чтоб Господь Всемогуший услышал меня
На суде справедливом и строгом.

Не с того ли в осенней безлюдной ночи,
Мои страхи недавние скомкав,
Дождь, мне посланный Богом, стучит и стучит,
Чтоб душа не оглохла в потёмках?

9 апреля 2004 г.

Полынь

(Год 1945-й)

Дышала зноем неба синь,
В чьём центре плавилось светило,
И древняя, как мир, полынь
Слезами вдовьими горчила.

Не запах брошенной брони,
Ржавеющей в густой оправе
Из полевых цветов, – в те дни
Полынный запах миром правил.

Казалось, не было войны,
Казалось, шепчет голос горький:
«Отчизны верные сыны
На сенокос ушли на зорьке».

А ночью, кроткий шелест звёзд
Озвучив в вечной круговерти
Времён, вставала в полный рост
Полынь, явив своё бессмертье.

И вместе с ней всё существо
Моё, впитав простор былинный,
Вставало, веря: ничего
Нет слаще горечи полынной.

10 апреля 2004 г.

Камни

Сколько в мире камней разбросанных!
Сколько судеб растерзанных в нём,
В мире, кровью омытом и росами,
И крещёном вселенским огнём.

Ты гордыню свою не показывай,
Но, с молитвою встав до зари,
Камни в поле и те, что за пазухой,
С Божьей помощью, брат, собери.

Собери дням иным в назидание,
Верой душу и плоть укрепив,
Собери! И слезой покаяния
Каждый камешек ты окропи.

Ты работай, работай без роздыха,
Камни все собери, а потом
Храм построй, полный света и воздуха,
Или просто – родильный дом.

Собери эти камни без лени,
Собери, чтобы жить не во зле,
Чтобы камня на камне от ненависти
Не осталось на нашей земле.

12 апреля 2004 г.

Сила женщины

Ты ослабел. Ты к бою непригоден,
Коль тяжелей свинца твои седины,
Но если к Богу женщина приходит –
Непобедим становится мужчина.

Вчера ещё, как будто в жизни лишний,
Он слышит голос женщины любимой:
«Твою любовь мне подарил Всевышний,
Как знак Своей любви необоримой

Ко мне, в тебя поверившей до гроба.
А потому крепись, мой милый, духом,
И, стиснув зубы, пробуй, пробуй, пробуй
Сто раз на дню поднять из праха душу».

И Бог тебя, увидишь, не оставит,
Ты обретёшь иные горизонты,
И, волю растворив в Господней славе,
Железной волей будешь наделён ты.

И вдруг поймёшь под самой грозной тучей,
У края взбеленившейся пучины,
Что мир силён не мышцею могучей,
А женщиной, поверившей в мужчину.

14 апреля 2004 г.

Звезда бессмертья

Горит звезда в моём окне
Назло вселенским чёрным дырам.
И кажется порою мне:
Ещё до сотворенья мира

Я с нею был накоротке
В другой вот только ипостаси.
Я жилкой бился на виске
Звезды, чей свет потом украсит

Вот эту ночь в окне моём
И скрасит боль разлуки с домом,
Мне, вслед звеня об окоём,
Так, что внизу качнётся омут.

Нас часто время било влёт,
Мчась грозowymi облаками,
Но возмужали мы, и вот
Мы поменялись с ней местами.

Я потому не скис в тоске,
Не сгинул в мутной круговерти
Времён, что жилкой на виске
Моём звенит звезда бессмертья.

17 апреля 2004 г.

Тополиный пух

Сквозь томительно-длинный
День, что зноем подбит,
Белый пух тополиный
Всё летит и летит.

И над ширью окрестной,
Память в детство маня,
Щедрой манной небесной
Реет в мареве дня,

Где у старого тына,
Даль подёрнув слезой,
Мама пух тополиный
Заплетает косой,

Где на танк обгорелый
Лёг он, павших храня,
Словно вдруг поседела
Лобовая броня.

И летит он былинно,
Укрепляя мой дух,
Нежный пух тополиный,
Горький пух...

27 апреля 2004 г.

Заливается птаха...

Заливается птаха, зарывшись в зенит,
От себя все печали отринув, –
Это сердце моё в птичьей глотке звенит,
Горизонты земные раздвинув.

И душа моя, птичье упрочив крыло,
На него оперевшись, взлетела,
Чтобы с неба седьмого вселенское зло
Поразить Божьим Словом и делом.

Как светла эта песня в объятьях небес,
Мне вернувших надежду сегодня,
И дрожит, как осиновый лист, главный бес
Там, в кромешной своей преисподней.

И шепчу я себе: «Жить готовься, гоня
Божьим страхом иные все страхи,
Чтоб леталось и пелось до Судного дня
Человеку и певчей птахе».

3 мая 2004 г.

Летучая мышь

Покоем и прохладною рососою
Дышала ночь, и вдруг с нездешней силою
В наш двадцать первый век из мезозоя
Создание вломилось рукокрылое.

Мелькали тени над соседней крышей,
Как будто время вымершее ожило,
И мне порой казалось, что я слышу,
Как тайны шевелятся в крыльях кожаных.

И подступали к горлу горизонты,
Где человеку места нет пока ещё,
Где то ли громы, то ли мастодонты
Прут в мир с неотвратимостью пугающей.

А я с заросшей медуницей кручи
Смотрел, как молча над речной излучиной
Неутомимо со звездой падучей
Играет в кошки-мышки мышь летучая.

И я шептал: «О Всемогуший Боже,
Наверное, сны вечности сбываются,
Коль сквозь миллионы лет и мою кожу,
Я чувю, крылья к небу пробиваются...»

4 мая 2004 г.

Русский язык

Жизнь то по темени крепко огреет,
То укачает, как мёртвая зыбь,
Но Всемогуший Господь мне, еврею,
Дал в утешение русский язык.

И, благодарные слёзы не пряча,
Ярость сминая, смиряя тоску,
Словно к стене неподкупного плача,
К русскому я прихожу языку.

Русский язык! Он меня не покинет.
Он – горизонт мой, и он – мой зенит.
Не потому ли, что бронза латыни
В нём о еврейские слёзы звенит?

Душу мою не разъела усталость,
Душу мою сохранила любовь,
Знать, потому, что навек в нём смешалась
С кровью арапа еврейская кровь.

И говорю я отнюдь не к моменту,
Может быть, истины это момент:
Если в нём слышишь еврейский акцент ты –
Знай, что ты вечности слышишь акцент.

25 мая 2004 г.

Надо мною парус мой

В круговерти серых будней парясь,
Сколько раз, туманя далью взгляд,
Я мечтал расправить белый парус
И поплыть куда глаза глядят

По пьянящим белопенным милям,
Приближая горизонт иной,
Чтоб семь футов каждый день – под килем
И седьмое небо – надо мной.

Сколько раз, измученный работой,
Видел я во сне и наяву,
Как по гребням волн седьмого пота,
Я под белым парусом плыву.

Входит в силу день, сминая тучи,
Вновь меня спасает от тоски,
И вплетает стая рыб летучих
Золотое солнце в плавники.

Канула хмельная юность в Лету,
Дней унылых наползает дым.
Неужели, Господи, я где-то
Разминулся с парусом моим?

Но едва под шум листвы кленовой
Запрокину голову в зенит –
Слышу, как, даря мне радость снова,
Надо мною парус мой звенит.

2 июня 2004 г.

Сильный и кроткий

Чтобы в жизни оставить след,
Чтоб звенела, ликуя, медь,
Сильный жаждет только побед,
Кроткий хочет его пожалеть.

Сильный может, зверея порой,
Непокорных в расход списать.
Кроткий, встав за слабых горой,
Знает: сильного надо спасать.

Сильный жаждет, чтоб толпы людей
Приходили к нему на поклон.
Сильный мышцею крепок своей,
Кроткий Божиим страхом силён.

Сильный сходу наносит удар,
Развернувшись железным плечом.
Сильный знает, почём гром фанфар,
Кроткий знает, фунт лиха почём.

И однажды, в прошедшую даль
Заглядевшись, поймёшь до конца:
Сила жаждет, и только печаль
Утоляет людские сердца.

14 июня 2004 г.

Бессмертье, пахнущее детством

Смотрю я, лёжа на траве,
Как там, сквозь утро на излёте,
Ползёт в небесной синеве
Коровкой божьей самолётик.

Какая благодать вокруг
От каждой травки, прах поправшей!
Лимонной мятой пахнет луг,
И детством пахнет звук отставший.

Как будто снова вешний гром,
Сняв детские мои тревоги,
Качнув наш лёгкий старый дом,
С седьмого неба пал мне в ноги.

Как будто в сорок пятый год,
В победный май я мчусь по лужам;
Как будто я, мальчишка, вброд
Геенну огненную сдюжил.

И жаркий звон царит в груди –
От старости и скуки средство,
Как будто снова впереди
Бессмертье, пахнущее детством.

18 июня 2004 г

Ночь за окном

(О маме)

Ночь за окном повисла чёрной шторой,
И на душе – такие вот дела:
Тоски лежачий камень, под который
Вода, увы, от века не текла.

И сердце спотыкается о рёбра,
И память вдруг становится острее...
Как не хватает мне сегодня доброй
И безответной матери моей!

Бывало, ночью под кленовой кроной
Она ласкала взглядом окоём,
И каждая звезда в ночи бездонной
Звенела о бессонницу её.

А я смотрел на скорбные морщины
Лица, на ней незаходящий свет,
Над травами, шумевшими былинно,
Готовился проклюнуться рассвет.

И, беспощадно думая о многом,
Я услышал, сомненья заглушив,
Как мама разговаривала с Богом
На языке оттаявшей души.

Не в силах с мраком справиться свет окон,
Ночь над землёй, как смертный грех, черна...
Но маминой бессонницей высокой
Уже моя бессонница полна.

26 июня 2004 г.

Смысл бытия

Жаркой зорькой горят небеса,
Жжёт почище крапивы роса,
И поёт, выбивая дух
Из нечистой силы, петух.

Я шагну за щербатый порог,
За которым – сто тысяч дорог,
Но из этих ста тысяч – одна,
Видит Бог, мне, как воздух, нужна.

Лишь по ней, труд нелёгкий свершив,
До своей доберусь я души,
И, от радости сам не свой,
Свет в потёмках души чужой

Я увижу, сказав себе вдруг:
«До чего же был слеп ты, мой друг!»
И услышу я голос с небес:
«Ты узрел за деревьями лес,

А за лесом, встающим стеной,
Горизонт ты увидел иной,
Ибо понял ты смысл бытия,
Душу в Господе обретя».

2 июля 2004 г.

Стрижи на рассвете

Возле старенького плетня
Я смотрю на рассвете дня,
Как закладывают стрижи
Сумасшедшие виражи.

Только небо свистит в ушах,
От волненья рябит в глазах,
И с отточенных ветром крыл
Я иной горизонт открыл:

Горизонт двужильной травы,
Вставшей выше моей головы...
И коса, от росы бела,
На траву, как на камень, нашла.

Я открыл, чуя песни зов,
Горизонты знакомых слов,
Что звенят, как стрижи, надо мной
В поднебесье речи родной.

И, наверное, счастлив я
Тем, что смяв хриплый ор воронья,
Все сомненья смахнули стрижи
С горизонта моей души.

11 июля 2004 г.

Ночное купание

Звёзды с полночного зрят небосвода,
Как под присмотром стареющих ив
Я погружаюсь в прохладную воду,
В лунных морях карасей разбудив.

И наливаюсь я силой упругой,
И набухает, ликуя, во мне
Кровь, и букет моих давних недугов,
Чую, сгорает в венозном огне.

Здесь, где пропах медуницею воздух
Так, что в висках от волнения – звон,
Всё под рукою: и рыбы, и звёзды,
И возле горла – тугой горизонт.

Тихая, кроткая, словно овечка,
Речка мне ласково тычется в грудь.
Сколько же видела слёз эта речка –
Море могло б в тех слезах утонуть!

Но я лукавого козни разрушил,
Пав в покаянье пред Господом ниц.
Я омываю не тело, а душу
В речке, подёрнутой солью зарниц.

13 июля 2004 г.

Под горою струится река

(Воспоминание о детстве. Год 1946-й)

Под горою струится река
Прямо в зорьку рассветную, нежную,
Над горою плывут облака,
Величавые и белоснежные.

Мчусь за ними на край земли,
И опять мне, волной убелённые,
Снятся парусные корабли,
Только чаще – картошка варёная.

За рядами приземистых хат
Я, пацан, до прозрачности худенький,
Вижу стройный английский фрегат
Рядом с яблочным сочным пудингом.

На подъём моя память легка...
И в реке цвета светлого слова
То ли тают, как встарь, облака,
То ли сахарные тают головы.

Вновь плывут паруса вдоль зари –
Мне за ними с привычного сняться бы...
Только чёрные сухари
Почему-то всё чаще снятся мне.

15 июля 2004 г.

Пела скрипка...

Пела скрипка в еврейских руках за стеной,
Разрывая мне сердце на части,
И казалось, подать, как рукою, струной
До безумия или до счастья.

Мир, казалось, был снова отчаянно юн,
И звенел в унисон скрипке воздух,
И не с неба срывались, а с трепетных струн
Золотые летучие звёзды.

Пела скрипка весь вечер, и, жарко дыша,
Слушал я её голос негромкий,
Пела скрипка, как будто чужая душа
Продиралась сквозь злые потёмки.

Продиралась на вспыхнувший звуками свет,
Попиравший всё то, что постыло,
Продиралась, как сорок безжалостных лет
Продирался народ сквозь пустыню.

Пела скрипка, сводя моё сердце с ума,
Пела скрипка почище хорала,
Пела скрипка, да так, будто вечность сама
На груди у еврея рыдала.

21 июля 2004 г.

Я лежу с закрытыми глазами...

Я лежу с закрытыми глазами,
И всей кожей чувствовать я рад –
День как будто на мгновенье замер
Перед тем, как перейти в закат.

Я у моря вечного песчинкой
Дотемна лежу, закрыв глаза,
Но, прозревший каждую кровинкой,
Заглянуть легко могу я за

Горизонт, подсвеченный луною,
И узреть средь белопенных гор
То ковчег измученного Ноя,
То под золотым руном – «Арго».

Мне, как многим, нынче не до жиру –
Быть бы живу... Буду! Верю я.
Мириады звёзд взошли над миром,
Среди них, надеюсь, и моя.

Я лежу с закрытыми глазами,
И уже в полночной тишине
Чувствую, как жаркими толчками
Небо открывается во мне.

6 августа 2004 г.

Древний пророк

Спит его непокорное племя,
Но не может уснуть Моисей.
Он страстей человеческих бремя
Сорок лет нёс на вые своей.

Чуть коснётся рассвет небосвода –
Обретут, горький выстрадав срок,
Землю, полную хлеба и мёда,
Все, но только не древний пророк.

И, сутуля костлявые плечи,
Для вселенской печали созрев,
Он молчит, ибо крыть ему нечем –
Он на собственном сердце сгорел.

Он стоит средь пустыни унылой
И роняет с запёкшихся уст:
«Не оставь меня, Боже, дай силы,
Чтоб снести мне любви Твоей груз».

И в ответ из немыслимых далей
Звёзды падают, вечность избыв,
Как осколки тех самых скрижалей,
Что когда-то он в гнев разбил.

9 августа 2004 г.

Голос в ночи

Скрипнув старой половицей,
Отошёл мой дом ко сну,
И опять ночная птица
Подняла из трав луну.

И торжественнее требы,
Страх мирской гоня взашей,
Вдруг раздался голос с неба,
Иль он жил в душе моей?

Этот голос дивный, чудный
На излёте моих лет
Превращает в солнце скудный
Трепетной надежды свет.

В нём живут, переплетаясь,
Осентя светом всех,
Глас дитя, что мудрый аист
В мир принёс, и женский смех.

В нём – дыхание печали
И хлебов, идущих в рост,
В нём живут, как два начала,
Вешний гром и шелест звёзд.

Побелел давно мой волос,
Но, помолодев душой,
Я иду на этот голос,
Обретая голос свой.

11 августа 2004 г.

Молитва, родившая свет

Далеко за рекою, в закатном огне,
День сгорел, и легла у плетня
Ночи тень, и звезда запеклась на окне,
Призывая к молитве меня.

Я лицо погружаю в бездонную высь,
Волю сердцу даю своему,
Чтоб слова мои с небом навеки сплелись
Так, чтоб не расплести никому.

И я знаю, Всевышний меня услышал,
Потому что легко, как лоза,
Мне навстречу качнулся густой краснотал
И упала мне в ноги роса.

И слова, от которых порой – ни следа,
Обретают божественный смысл,
Чтоб не спутал Голгофу уже никогда
Я с горою, родившую мышь,

Чтоб гордиться я мог грузом прожитых лет,
Хоть бываю былинки слабей,
Чтобы стала молитва, родившая свет,
Продолжением жизни моей.

14 августа 2004 г.

Бегут поезда

Куда-то бегут и бегут поезда,
Скрутив горизонты в колёса,
И вслед им срывается с неба звезда,
И хлебные зреют колосья.

На запад летят поезда, на восток.
Мелькают огни полустанков,
Куда отряхнуть пыль вселенских дорог
Придут облака спозаранку.

Но это потом, а пока мои сны
Ночь в жаркие рельсы вплетает,
И, как леденец, за щекою луны
Железное эхо катает.

Проносятся мимо меня поезда...
И я, говорящий на равных
С судьбою, шепчу себе: «Не опоздай
На поезд единственный, главный».

И сердце рванулось, кольнув меня в грудь,
Туда, где за явью убогой
Железнодорожный кончается путь
И путь начинается к Богу.

17 августа 2004г.

Там, где ива слёзы льёт

(Воспоминание)

Там, где ива слёзы льёт
В старый пруд под кручею,
Рыба, вскинувшись, клюёт
На звезду падучую.

И опять мне не до сна
Средь июльской полночи,
Потому что тишина
Шорохами полнится.

В ночь бессонницей влеком,
От волненья розовый,
Чую, горло жжёт мне ком
Слов, омытых росами,

Слов, не тронутых ещё,
Слов, не ставших лишними,
Когда боль твоя не в счёт
Рядом с болью ближнего.

Хворей всяческих букет
Смяв, пойму чуть позже я,
Что вошёл мне в душу свет
Слов от Слова Божьего.

20 августа 2004 г.

Избранный народ

Нас не сломать ни длинною дорогой,
Ни голодом, ни язвой моровой,
Поскольку были избраны мы Богом
Не для пиров – для скорби мировой.

Я знаю, мы не лучше и не хуже
Других, но Бог избрал нас потому,
Чтоб, нашей болью все преграды сдюжив,
Все люди через нас пришли к Нему.

Пытали нас огнём, петлёю, сталью...
Ну что ж, и впрямь мы избранный народ –
Мы избраны вселенскою печалью,
Сумевшие осилить вечность вброд.

Мы – избранный народ: не раз мишенью
Нас избирала ненависть, и всё ж
Мы не отмщенья жаждем, а прощенья,
Лукавого бросающего в дрожь.

Хатынью, Бабьим Яром, преисподней
Мы избраны, но в сто, но в тыщу раз
Важнее, что мы избраны Господней
Любовью, столько раз прощавшей нас.

21 августа 2004 г.

К памяти сердцем прижавшись

(Воспоминание)

К памяти сердцем прижавшись, стою,
Глядя, как знойному полдню в отместку
Входит луна в комнатушку мою,
В лунных морях полоща занавеску.

Снова ликующе пахнет полынь
В поле, где косам звенеть о былины...
И небосвода июльского синь
Мамины вдовьи смиряет седины.

Вот она, мама, живая, со мной,
К Господу Богу беззвучно взывая,
Горькие слёзы падучей звездой,
Кротко вздохнув, промокнуть успевает.

Чувствую рук её крепких тепло,
То, над которым лукавый не властен,
Рук, помогавших мне встать на крыло,
Чтоб горизонты никто мне не застил.

Время качнулось к далёким годам...
И не стыжусь я, что, детские грёзы
Сняв, по небритым моим щекам
Катятся, катятся мамины слёзы.

1 сентября 2004 г.

На лавочке, под маминой ольхой

(О маме)

На лавочке, под маминой ольхою,
Всю ночь сижу, не думая о сне,
А где-то рядом пёс приبلудный воет,
И у луны – мурашки по спине.

Сижу я, горькой памяти послушен,
И полнится сыновней болью грудь.
И эту боль, терзающую душу,
Звезде летучей не перечеркнуть.

Я вслушиваюсь в шорохи ночные,
Но стоит оглянуться мне назад –
И снова на меня глядят сухие,
Как порох, вдовьи мамыны глаза.

Давно ушла последняя слезинка
Из глаз, горящих в пол-лица огнём,
Из глаз, что небо видели с овчинку
И всё ж узревших храм небесный в нём.

Мне помнить до последнего дыханья
Вдову, меня спасавшую не раз,
И остужать слезами покаянья
Огонь её спаливших слёзы глаз.

4 сентября 2004 г.

У ночного костра

В небе весеннем плывёт самолёт,
С месяца облачко сдёрнув,
А на земле, словно рыба об лёд,
Бьётся о полночь костёр мой.

А надо мной – ярких звёзд торжество,
Только мне нет в них потребности.
Искры летят от костра моего
Жаркими звёздами в небо.

Я – никуда от живого огня,
Здесь, у приземистой хаты,
Где перед сном за три моря меня
Мама водила когда-то,

Где, наливаясь нежданной грозой,
Сдвинув земные границы,
В травах, стреноженных жгучей росой,
Мог горизонт заблудиться;

Где, у сплетения света и тьмы,
Силой дыша первородной,
Бились со Змеем-Горынычем мы
Против змеи подколодной;

Где через годы, в назначенный час,
Трудную сдюжив дорогу,
Душу себе искровенив не раз,
Всё-таки вышел я к Богу.

14 сентября 2004 г.

Горит звезда

Горит в моём окне звезда, кося
Печальным взглядом вслед звезде падучей,
Спугнувшей невзначай в реке, под кручей,
Забывшего про щуку карася.

И я спешу, как в юности, к реке,
И, холодок волнующий затылком
Почуяв, не пойму – звезда иль жилка
Звенит призывно на моём виске.

Над всеми маяками всех морей,
Чтоб мир не канул в бездну преисподней,
Сияет светом той звезды, Господней,
Звезда над тихой улочкой моей.

Горит звезда в распахнутом окне,
Как краешек вселенского причала...
Горит звезда, и страх мирской помалу
Сгорает в её праведном огне.

И входят в сердце кротость и покой,
Что дать не может ни одна система...
Горит звезда... И мне до Вифлеема
Подать рукой.

16 сентября 2004 г.

Ветер срывает листву

Ветер срывает листву с тополей,
Ворох намёл у колодца,
А с потемневших озябших полей
Ор воронья раздаётся.

Ветер с востока нагнал облака,
Карты синоптикам спутав,
Полдень уже не глядит свысока
Серой затянутый смутой.

Что ему, ветру, людские дела,
Коль он, на волю отпущен
Богом, летит, закусив удила
Всех горизонтов грядущих?

Горы любые он перемахнёт,
Море, ревущее в пене,
Запросто, как ручеёк, перейдёт
И не замочит колени.

Ветру могучему всё – трын-трава,
Страшно одно лишь на свете:
Вдруг он споткнётся о чьи-то слова,
Брошенные на ветер.

20 сентября 2004 г.

О детстве

Давно наскучивший природе,
Осенний дождь тоску наводит
И размывает окоём,
А мы, сочувствуя сорокам,
На подоконнике широком
Сидим с сестричкою вдвоём.

И за холодной пеленою
Туч парус видим над волною,
Прозрачней девичьей слезы,
Врачующей любые хвори,
И вдалеке, над ширью моря, –
Полуденного зноя зыбь.

Как молнии, сверкнули пятки –
То мы, смеясь, во все лопатки
К иным рванулись берегам,
Где не пугает быстротечность
Дней, солнцем сдобренных, где вечность,
Как море, по колено нам,

Где птицы райские щебечут,
Где душу только верой лечат,
Где не пытаются мир огнём,
Где сила – кротость и усердые
И где с моей сестрой бессмертье
Мы пригоршнями раздаём.

22 сентября 2004 г.

Однажды ночью

За окном, где, лишь протянешь руку,
Можно было приласкать луну,
Ночь хмелела от неясных звуков,
Щекотавших сладко тишину.

Шелест жёлтых листьев и полыни,
А вверху, над кромкою воды,
Звон запутавшейся в паутину
Иглокожей голубой звезды.

Язь плеснул, роса скатилась с крыши,
И, лицом я став зари светлей,
То ли с неба голос вдруг услышал,
То ли из глубин души своей.

И не громом потрясал тот голос,
Не трубой иерихонской, нет –
Шелестел в нём спелый хлебный колос
И сиял в нём несказанный свет.

И душе моей, в потёмках тлевшей,
Падкой до сомнительных чудес,
С голосов чужих так долго певшей –
Петь отныне с голоса небес.

22 сентября 2004 г.

Поэт не от мира сего

Что поэту мирские заботы?
Очень хрупкое он существо.
Вы не верьте, коль скажет вам кто-то,
Что поэт не от мира сего.

Он – от каждой былинки, от каждой
Птахи, солнце воспевшей с утра.
Он – от нашей живительной жажды
Справедливости и добра.

Он – от шумного стольного града
И от дикой медвежьей глуши.
Он – от боли, с которой нет сладу,
И от чьей-то озябшей души.

Он, от ярости незащищённый, –
Нас связующая с вечным нить.
Он – от каждой звезды, а ещё он –
От ребра твоего, может быть.

Он – от каждого нашего слова,
От печали, дарующей свет.
Он – от трудного пота седьмого
И от неба седьмого поэт.

Он – от пахнувшей злаками воли.
Он, как в руку волнующий сон,
Не от мира сего не с того ли,
Что от мира грядущего он?

27 сентября 2004 г.

Летать!

Голубое, чуть дрожащее от зноя,
Небо щедро распахнулось надо мною,
А по небу реактивный самолёт,
Словно божья коровка ползёт.

Разбежаться бы, как в детстве, по тропинке
И взлететь, чтоб никакой вовек овчинке
Это солнечное небо не закрыть,
А иначе не стоять и жить.

И лопатки под рубахою крылами
Шевельнулись уже вровень с небесами,
И над морем заплутавших в песне трав
Я лечу, самолёт обогнав.

Пахнет детство моё шелестом былинным,
Пахнут детством мои жёсткие седины.
Не с того ли, на подъём по-детски скор,
Я умею летать до сих пор?

До сих пор шутя могу до звёзд рукою
Дотянуться, и мне кажется порою,
Я могу не просто душу с небом слить –
Я могу и других научить.

5 октября 2004 г.

Осенняя радость

Над простором утренней земли,
Росами студёными ошпаренной,
Отпевают осень журавли,
Славу у степных ветров оспаривая.

Здесь – печаль, а дальше, где кусты
Над рекой, где гром промчался конницей,
От обильных новостей хвосты
У сорок ну прямо так и ломаются.

И чтоб солнце вышло в степь былинную,
В дальний лог смахнув тяжёлый сон,
Подпирают крылья журавлиные
И моя молитва горизонт.

Я иду по тропке не спеша...
Свет с небес мне не даёт отчаяться,
И я вслушиваюсь, как душа
К мудрости осенней приобщается,

Как летит по жилам кровь горячая,
Вспоминая гул весенних дней.
И туманы, серые, незрячие,
Прозревают радостью моей.

И сверкнула над речной осокою
Солнца незатаस्कанный медь –
Это Бог мне радость дал высокую:
На лице печали свет узреть.

7 октября 2004 г.

Что будет?..

Что будет, если женщина исчезнет
С лица земли? Что станется тогда
С землёй? Её замучают болезни
Души, осиротевшей навсегда.

Что будет, если женщины не станет,
С которой зверя мир в себе душил?
Дремучий первобытный мрак восстанет
Из одичавшей без неё души.

Что будет, если женщина вдруг сгинет?
Страшней и не придумаешь беды –
Затянет душу отчужденья иней,
А может быть, арктические льды.

Что будет, если женщины не будет?
Провалится душа в кромешный сон,
И никакая пушка не разбудит
Души, проспавшей вечный горизонт.

А в небесах вскипает птичья стая,
А на земле людской ликует род...
Что будет, если женщины не станет?..
Что будет, если солнце не взойдёт?..

8 октября 2004 г.

Пот седьмой

Когда дела идут не слишком,
Когда мы загнаны судьбой,
Когда нам кажется: нам крышка –
Нас выручает пот седьмой.

Пот, твёрже во сто крат алмаза,
Омывший тысячи дорог,
Тот, что по стенке не размазать
И не согнуть в бараний рог.

Когда порой жить неохота
И тьма теснит со всех сторон,
Вдруг из глубин седьмого пота
Встаёт рассветный горизонт.

Закон сей Господу угоден,
Когда – кто смеет отрицать? –
И хлеб, и истину находим
Мы в поте своего лица.

Мир обернётся полной чашей
И век наступит золотой,
Пока в ряду достоинств наших
Он будет первым, пот седьмой.

9 октября 2004 г.

Отечество и пророк

От родного старого порога
Он, вздохнув, шагнул за окоём.
Что ж, известно издавна: пророку
Места нет в отечестве своём.

Значит, решено: он иноверцам,
Как ни затыкали ему рот,
Истину, озвученную сердцем,
Кротко улыбаясь, понесёт.

Пусть его отныне убивают
На колу, на дыбе, на костре...
Лишь на Божью волю уповая,
Поднимает очи он горе,

Чтобы в круговерти осиянных
Верой дней взошёл на радость нам
На слезах сладчайших, покаянных
Самый долговечный в мире храм.

Так спаси, Господь, от злого рока
Нас и помоги, свет в нас взрастив,
Обрести отечество пророку
И стране – пророка обрести.

11 октября 2004 г.

Три старухи

Средь барственной лжи и душевной разрухи,
Частенько выдавшие слёзы и кровь,
Забытые всеми, живут три старухи
По имени Вера, Надежда, Любовь.

Жестокое время пыталось без меры
Их, тоненьким, хрупким былинкам сродни,
Но жаркий огонь нестигаемой веры
В свою правоту сохранили они.

И что б ни случилось, не слыша злословья,
В забрезживший день улыбаясь светло,
Они отвечали вселенской любовью –
Везде и всегда – на вселенское зло.

И верю я, сильный Господнею славой,
С души отряхнув все сомненья, как прах,
Не сладит с Любовью и Верой лукавый,
Покуда Надежда живёт в их сердцах.

Живут три старухи в избушке за поймой –
Когда-то о них знал в деревне любой.
Забыли мы их, но они о нас помнят –
Бессмертные Вера, Надежда, Любовь.

16 октября 2004 г.

Перо и бумага

(Друзьям-поэтам)

Спасает не брага
В тяжёлые дни:
Перо и бумага –
И только они.

Всегда, словно хлебом –
Бесценным добром,
Дарило нам небо
Бумагу с пером.

Нам с ними, все страхи
Мирские гоня,
Жить щедро, до плахи,
До Судного дня,

Встречать (пусть нас мало)
Вселенское зло
С открытым забралом,
С пером наголо.

Нас полнит отвагой
Бумажный наш щит,
Поскольку бумага
В огне не горит.

И прах нас не скроет,
Пока под рукой
Бумага, перо и –
Господь за душой.

18 октября 2004 г.

Нет слуха у меня...

Не дал Господь умения мне петь –
Наверное, нет слуха, не иначе.
Но вдруг запел, и слышу я, как медь
Осенних листьев в чудном горле плачет.

Но женщина запела за стеной,
Наполнив щедрым светом вечер мглистый,
И слышу я, как ветерок степной
Проснулся в конской гриве золотистой.

Поют мои друзья, я – никогда,
Нет слуха у меня! Но, словно в сказке,
Я слышу, как падучая звезда
Звенит об их голосовые связки.

Я слышу, как струится в жилах кровь,
Спрямяется по ней судьбы кривая,
Когда приходит первая любовь,
Наш старый мир по новой открывая.

Нет слуха у меня, но ничего,
Я, может, как никто, умею слушать.
Что значили б певцы без моего
Уменья слышать певчие их души?

19 октября 2004 г.

К моему читателю

Может быть, это вызовет смех,
Но могу об заклад побиться:
Холодней, чем полярный снег,
Неисписанная страница.

Но едва запылает лоб,
И рванутся со щёк жар-птицы,
Сердцем падаю я в сугроб
Первозданно-белой страницы.

И становится лист глубок,
Словно небо или криница,
И проталинами жарких строк
Начинает дышать страница.

Даже клякса, сорвавшись с пера,
Летней вспыхивает зарницей,
И шумят в полный рост клевера
На просторах моей страницы.

И оазисом, где, светла,
В зной живая вода струится,
Ждёт тебя на краю стола
В кровь исписанная страница.

25 октября 2004 г.

Второе дыхание

Когда душа, казалось, отрывалась
От тела – жить, мол, больше не резон, –
Дыхание второе открывалось
Во мне, как открывался горизонт.

И каждой жилкой, каждою кровинкой
Я ощущал Всевышнего любовь,
И небо, ночью бывшее с овчинку,
Днём океаном голубело вновь.

Я прижимал к мгновеньям быстротечным
Словами набухавшие уста,
Чтоб сердце встало ровень с небом вечным,
На цыпочки молитвы жаркой встав.

И понял я: всё в мире преходяще,
Как облаков весенних лёгкий бег,
Покуда мы не забываем – к вящей
Господней славе – напрочь о себе.

И из души моей гоня усталость,
Рассветным ветром полируя кровь,
Дыхание второе открывалось,
Как первая к Создателю любовь.

27 октября 2004 г.

Осенняя ночь

Опустившись земле на плечо,
Ночь без звёзд до утра ослепла,
И заплакал за печкой сверчок,
Посыпая голову пеплом.

Половица на кухне скрипит,
Вся усохшая, словно мощи,
В ней, забритой в доску, скорбит
О сосне корабельной роща.

Плач сверчка. Половицы скрип.
Дышат клёны осенней охрой,
И уж очень похож на всхлип
О кадык споткнувшийся вздох мой.

Подступает тоска к душе –
Для тоски нет вкуснее корма.
Я гоню её, злую, взащей,
А она впивается в горло.

И, хрипя между этих строк,
Я шепчу над бездонной Летой:
«Дай мне, Господи, неба глоток
Иль бессмертье хотя б до рассвета».

30 октября 2004 г.

Лунное наваждение

Наливаясь золотом червонным,
Тайн морей нехоженных полна,
За рекой, припавшей к ивам сонным,
Горизонт пригубила луна

Иль мою промчавшуюся юность,
Когда я вдруг понял кровью всей:
Меж луной и мною протянулась
Нить любых надёжнее цепей.

Не сбежать мне от луны, я знаю,
Ни в прошедший, ни в грядущий день,
Если на лопатках ощущаю
Лунный круг, как круглую мишень;

Если, полня грудь тоской извечной
И, как зайца, сердце в ночь гоня,
Лунный круг звездой шестиконечной
Намертво впивается в меня.

И почти бегу я краем поля,
Жар печей тех чуя на спине...
Господи, скорей бы утро, что ли,
Чтобы дымом не уйти к луне.

31 октября 2004 г.

Слова

Жизнь, часто несуразную,
Жестокую, украсили
Слова, как люди, разные
В своём многообразии.

Слова, на нас похожие,
Трусливые и смелые...
И только Слово Божие
Поэзией их делает.

2 ноября 2004 г.

Я помолюсь...

Я помолюсь за недужных и сирых,
За неудачливых, мятых и битых,
За ещё утром ходивших в кумирах,
А ближе к вечеру – напрочь забытых.

За бесприютных, от холода синих,
Буду сегодня я жарко молиться,
За обручённых с судьбою – за сильных
Мира сего, чтобы им умалиться

Ниже травы силы дал Всемогуший.
Буду молиться я чистой росой,
Ветром стреноженным, зорькой грядущей,
Девичьим смехом и вдовьей слезою.

Буду молиться над светлой рекою
И у подножия пашен окрестных,
Звоном наград одряхлевших героев
И немотою солдат неизвестных.

Буду молиться я так, чтобы вышла
Бокон молитва моя преисподней,
И, я надеюсь, услышит Всевышний
Всех, за кого помолюсь я сегодня.

12 ноября 2004 г.

Осеннее начало

В погоде – серость, неуют,
Клубится вороньё над садом,
И чувствуется, где-то рядом
Уже дожди наотмашь льют.

Деревья у стальных оград
Шуршат листвою обречённой,
И полдень, в тучи облачённый,
Похож скорее на закат.

Река пустынна. Ни души.
Иду вдоль ив – замшелых, вислых...
Так заплутать, как в горьких мыслях,
В медвежьей можно лишь глуши.

Уже не так туманна даль.
Всё откровенней сердце бьётся,
Всё мельче глаз моих колодцы,
Всё глубже тихая печаль.

И в ожиданье скорых вьюг
Я, взглядом небеса тревожа,
Стою в конце пути. А может,
В начале песни я стою.

13 ноября 2004 г.

Агасфер

Он Господу не дал передохнуть,
Но закричал вдруг, горячась не в меру:
«Ступай Себе! Верши Свой крестный путь!
Не прикасайся к дому Агасфера!»

И, подняв воспалённые глаза,
Уже едва земной касаясь тверди,
Сказал ему Идущий в небеса:
«Отныне ты приговорён к бессмертью».

Жизнь будет проноситься, как во сне,
И, на века несчётные взирая,
Он будет жить, на медленном огне
Неумолимой вечности сгорая.

Какая пытка тенью в мир входить
И знать, бродя бескрайнею землёю:
Бессмертья опостылевшего нить
Не затянуть спасительной петлёю.

Он будет мерзость мира лицезреть,
Покуда в вечность тянутся дороги.
О, если б можно было умереть,
Вновь обрета жизнь вечную, но в Боге!

13 ноября 2004 г.

Стучавшие в двери бессмертия

Никто пред лицом круговерти
Времён не ушёл без потерь.
Стучавшие в двери бессмертья,
Открылась ли вам эта дверь?

Приблизились ли к абсолюту
Вы в жаркой погоне за ним?
Иль снова душевная смута
Закрыла бессмертия нимб?

Грозили вам: пыл свой умерьте,
Грозили, как били вас влёт.
Стучавшие в двери бессмертья
Всей мякотью сердца – вперёд!

Вперёд – по нехоженным вёрстам,
Привыкшим давно к чудесам!
Вперёд – через тернии к звёздам!
И далее – к вашим сердцам.

Но где бы сегодня мы были
С бессмертьем галактики всей,
Когда б вы его не продлили
Мгновенностью жизни своей?

14 ноября 2004 г.

Стена

Немало знаменитых стен я знаю:
Китайская, Кремлёвская стена,
Была – как воспалённый шрам на мае –
Берлинская... Но есть ещё одна.

Размерами она не потрясает,
Но здесь, где не остыли предков сны,
Не вечность ли сама – в плечах косая
Сажень – мне в душу смотрит со Стены

Давным-давно разрушенного храма?..
И, помня беды все наперечёт,
Сегодняшний потомок Авраама
У слёз окаменевших слёзы льёт.

На свете знаменитых стен немало,
Но не встречал ты на стезе своей,
Чтоб в камне, в прах поверженном, дышала
Живая плоть грядущих светлых дней;

Чтоб ближнему даря любовь и жалость,
Являя миру веры торжество,
Сквозь плач тысячелетний улыбалась
Душа народа моего.

17 ноября 2004 г.

Весеннее

Нежный шелест молодых растений
В жилах кровь волнует, зная, с того,
Что родился первый гром весенний
В жарких недрах сердца моего.

И, надеждой каждый вздох наполнив,
Не смущённый стаяй воронья,
На скрижалях горизонта молний
Клинопись легко читаю я.

Внутреннему зрению доверясь
И вторым дыханием силён,
Я увижу, как идут на нерест
В день грядущий косяки времён.

И под лёгким облачком былинным
Я пойму однажды и навек,
Почему не хлебом жив единым
На планете этой человек;

Почему, подобно паутинке,
Рвясь порой, жизнь открывает нам:
Только умалившись до былинки,
Можно дотянуться к небесам.

19 ноября 2004 г.

Луна такая – не уснуть...

(Воспоминание о детстве)

Луна такая – не уснуть...
Лежу над речкой, тих и сед,
И чувствую, как мне на грудь
Стекает с ивы лунный свет,

Как подступает к горлу ком
И крылья режутся в плечах,
И утро пахнет молоком,
Что не обсохло на губах.

И, потешая весь наш дом,
Хожу я под кленовый шум
Пешком под стол, а перед сном
К синице за море спешу.

Ещё заря встаёт со щёк,
Румянцем пышущих, и страх
Мне не известен, ведь ещё
Бессмертны мама и сестра.

И день, поднявшись выше крыш,
Весь – ожидание в глазах
Не той ли истины, что лишь
В младенческих живёт устах?

21 ноября 2004 г.

Ко мне приходит муза

Сняв серых дней обузу,
Рубахой горизонт
Рванув, приходит муза,
В ушах рождая звон.

Приходит, чтоб клоповник
Слов лживых растоптать,
Жестокая, как кровник,
И нежная, как мать.

Взрывает кровь и чувства
Во славу слова, чтоб
Высокое искусство
Душа пила взахлёб.

То твёрдой речью мужа,
То нежным вздохом ив
Ко мне приходит муза,
Уста мне опалив.

Приходит в круговерти
Зорь по хмельным лугам,
Мгновенье, как бессмертье,
Швырнув к моим ногам.

Ну что мне злая стужа
Иль стая воронья?
Ко мне приходит муза –
И знаю: с Богом я.

21 ноября 2004 г.

Содержание

Агасфер	178
Бар-Кохба – сын звезды	79
Бегут поезда	150
Бессмертье, пахнущее детством	137
Божье время	99
Буря на море	65
В зимнюю ночь	108
В летний полдень	20
В ночной степи	73
В ночной тишине	90
Весеннее	181
Ветер срывает листву	157
Вечер	19
Вечный день на память	100
Вишни	52
Возлюби врага своего	25
Воспоминание	105
Время и пирамиды	83
Вспыхнул я, как порох	9
Второе дыхание	172

Голос в ночи	147
Горит звезда	156
Гроза в степи	59
Грядущее	44
Дай, Господи, мне песни	72
Девочка в степи	42
День Победы	81
Древний пророк	146
Единственная дорога	92
Женщина	86
Журавль и синица	119
За поворотом души	12
За хатой	6
Загорелая до черноты	116
Заливается птаха	132
Звезда бессмертья	130
Зимней ночью	95
Золото осени нашей	69
Из детства	71
Избранный народ	152
Иисус и Пилат	110
Иосиф Флавий. Иудейская война	60
К моему сердцу	67

К моему читателю	171
К памяти сердцем прижавшись	153
Как в детстве	109
Камень на сердце	91
Камни	128
Ко мне приходит муза	183
Красная книга	8
Кукушка за рекой	18
Летать!	162
Летним вечером	66
Летучая мышь	133
Луна такая – не уснуть	182
Лунное наваждение	174
Лунный свет	10
Май, 1945 г.	51
Малая родина	14
Мать над колыбелью	63
Мгновенья с вечным Богом	117
Мне сердце твердит	120
Мой парус	114
Молитва	26
Молитва, родившая свет	149
Монолог «Летучего Голландца»	62

Монолог осла	122
Монолог разрушенного Храма	103
Монолог седьмого пота	118
Море слёз	97
Мороз и ворон	13
Моя земля обетованная	48
На закате	17
На золотом крыльце сидели	38
На лавочке, под маминой ольхой ...	154
На рассвете	35
На степной горизонт опираясь	64
На таёжной реке	54
Навстречу той осени давней	33
Надежда на Бога	58
Надо мною парус мой	135
Небес глубину сохранив	88
Нет меня, Боже, счастливей	50
Нет слуха у меня	170
Новое небо	61
Новое утро	41
Ночная тишина	125
Ночное купание	142
Ночной дождь	126

Ночь за окном	138
О детстве	158
Облака	82
Обращение к себе	23
Однажды	78
Однажды ночью	159
Оклик в тишине	102
Он пришёл не судить	36
Осеннее настроение	29
Осеннее начало	177
Осенний мотив	53
Осенняя ночь	173
Осенняя радость	163
Отечество и пророк	166
От избытка сердца	24
Пела скрипка	144
Первый снег	94
Перо и бумага	168
По звёздам иглокожим	15
Под горою струится река	143
Под сенью дня	28
Поддай мне, Господи	96
Подкупить время	89

Поднималось солнышко	
над речкой	101
Поёт петушок	57
Полынь	127
Поседевшие слёзы	39
После ночного дождя	47
Пот седьмой	165
Поэт	124
Поэт не от мира сего	160
Прыжок с парашютом	70
Пушкинская осень	121
Ранним утром	76
Римлянам, евреям, коринфянам	84
Русский язык	134
С именем Твоим	31
Свеча в окошке	46
Святой Стефан	55
Сила женщины	129
Сильный и кроткий	136
Скрипичный мастер	5
Сладкая бессонница	45
Сладость Божьего страха	93
Слова	175

Слова и ветер	107
Смысл бытия	140
Снег	21
Снова ночь зовёт	106
Сны моего детства	68
Сон в летнюю ночь	123
Сосед	32
Средь дымящихся горьких руин	22
Стена	180
Стена покаяния	30
Стихи на закате	40
Стихи на рассвете	7
Стрижи на рассвете	141
Стучавшие в двери бессмертия	179
Суламифь	98
Сын Человеческий распят	34
Таёт свеча	37
Там, в степи	113
Там, где ива слёзы льёт	151
Тополиный пух	131
Три старухи	167
Ты – Господний план	43
У креста	77

У ночного костра	155
У подножья высоких хлебов	49
Упавшая звезда	85
Утренняя молитва	56
Финик	74
Что будет?	164
Я Бога боюсь	11
Я Бога не знал	27
Я лежу с закрытыми глазами	145
Я помолюсь	176
Я себя обрёл	111
Язык	16

Я Бога боюсь

Не часто я праздновал в жизни победы,
Но, больно лицом ударяясь о прах,
Узнал я: ведомому Богом неведом
Людьми на людей же натасканный страх.

Теперь надо мною лукавый не властен,
И рыбой об лёд я, прозревший, не бьюсь,
С того, что узнал я великое счастье –
Сказать во весь голос: я Бога боюсь!

От счастья мне хочется всем улыбаться,
Поскольку, испив свою чашу до дна,
Я понял однажды: чтоб Бога бояться,
Немалая храбрость, поверьте, нужна.

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

На склоне дня

II

Юрий Каминский

Юрий Каминский

На склоне дня

СВЕТ НА ВОСТОКЕ